

Нэнси
Спрингер

ЭНОЛА ХОЛМС
и
ЗЛОВЕЩИЕ ЗНАКИ

и

ЭНОЛА ХОЛМС

ЭНОЛА ХОЛМС

и
ЗЛОВЕЩИЕ ЗНАКИ

НЭНСИ СПРИНГЕР

Меня зовут Энола Холмс. Вы наверняка читали о приключениях моего старшего брата Шерлока Холмса. Я тоже распутываю загадки и ищу потерянное, но оказалось, я умею замечать мелочи, которыми пренебрегает мой брат. Мелочи, принадлежащие миру женщин и уже не раз приводившие меня к успеху в расследованиях.
И это моё тайное оружие.

Зашифрованное послание, попавшее в руки Энолы, заставляет её сердце трепетать. Это не просто шифр и не просто письмо – это послание от мамы, которую Энола уже год не видела! Мама изредка посылала весточки через колонку объявлений в газете, Энола отвечала ей так же, но несколько последних сообщений остались без ответа.

И вот Эноле пришло письмо от мамы – точнее, конверт с ворохом исписанных бумажных лент. Это очередная загадка, и её нужно разгадать как можно быстрее. Ведь если мама так вышла на связь – значит, с ней что-то случилось!

КНИГИ СЕРИИ ДВАЖДЫ НАГРАЖДЕНЫ ПРЕМИЕЙ
ИМЕНИ ЭДГАРА АЛЛАНА ПО
ЗА ЛУЧШИЙ ЮНОШЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ!

ISBN 978-5-04-100339-5

9 785041 003395 >

ЭНОЛА
ХОЛМС

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

**1. Энола Холмс
и маркиз в мышеловке**

**2. Энола Холмс
и секрет серой печати**

**3. Энола Холмс
и таинственные букеты**

**4. Энола Холмс
и загадка розового веера**

**5. Энола Холмс
и Леди с Лампой**

**6. Энола Холмс
и зловещие знаки**

НЭНСИ СПРИНГЕР

ЭНОЛА ХОЛМС

II
Зловещие знаки

Москва
2022

УДК 821.111-93(73)
ББК 84(7Coe)-44
С74

Nancy Springer
NANCY SPRINGER
ENOLA HOLMES MYSTERY #6:
THE CASE OF THE GYPSY GOOD-BYE

Copyright © Nancy Springer, 2010

Иллюстрация на обложке *Алексея Вайнера*

Спрингер, Нэнси.

С74 Энола Холмс и зловещие знаки : повесть / Нэнси Спрингер ; [перевод с английского А. Тихоновой]. — Москва : Эксмо, 2022. — 256 с.

ISBN 978-5-04-100339-5

Энола Холмс хочет найти свою мать. Та исчезла в четырнадцатый день рождения дочери, и с тех пор они общаются только через колонку объявлений в газете. Но несколько последних сообщений остались без ответа, и столь долгое молчание тревожит Энолу. К тому же случайно встреченная цыганка пророчит плохое, да и брат Энолы, Шерлок Холмс, вдруг начал с удвоенной силой её искать.

Энола не верит в знаки судьбы и тому подобную чушь, но сердце её невольно сжимается. Неужели с мамой что-то случилось?

УДК 821.111-93(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Тихонова А., перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-100339-5

Посвящается моей матери

Июль, 1889

— КАК ЖЕ Я РАДА ВАС ВИДЕТЬ, МИСТЕР ШЕРЛОК, это такая честь... — Миссис Лэйн, верная кухарка семейства Холмсов, знающая великого детектива с пелёнок, встречает его с дрожью в голосе и слезами в тусклых старческих глазах, — ...такая честь, что вы приехали...

— Пустяки, — бросает Шерлок, которого всегда подавляло яркое проявление эмоций, и окидывает взглядом стены из тёмного дерева в маленькой гостиной Фернделл-холла. — Я всегда рад возможности посетить дом моего

детства, — важно заявляет он. Он одет для поездок за город: бежевый льняной костюм, лёгкие лайковые сапоги песочного цвета, перчатки и клетчатая шляпа, как у охотников за оленями. Перчатки и шляпу он оставляет на столике вместе с тростью и, не медля ни секунды, переходит к делу: — Признаюсь, меня ошеломила загадочная телеграмма мистера Лэйна. Позвольте узнать, что это за причудливая посылка, которую вы не решаетесь вскрыть?

Миссис Лэйн не успевает ответить: в маленькую гостиную влетает её супруг, седой дворецкий, сейчас далеко не такой собранный и сухой, как обычно.

— Мистер Шерлок! Как любезно с вашей стороны! — И он, разумеется, начинает причитать: — ...Отрада для старых глаз... как же вы добры... погода хорошая, тепло... не хотите ли посидеть на свежем воздухе, сэр?

Шерлока Холмса любезно усаживают на террасе в тени, где лёгкий ветерок спасает от жары, и миссис Лэйн подаёт ему лимонад с кокосовым печеньем. Лишь после этого сыщику вновь удаётся завести разговор о той загадке, которая его сюда привела.

— Лэйн, — обращается он к достойному дворецкому, — что именно так встревожило вас и миссис Лэйн в той посылке, которую вы недавно получили?

Лэйн, привыкший устранять все неполадки в доме, отвечает последовательно и по существу:

— Первое, что нас смутило, мистер Шерлок, так это то, что пришла она посреди ночи и мы не имеем ни малейшего понятия, кто её принёс.

Глаза великого детектива зажигаются интересом, и он подаётся вперёд на мягкой подушке. Плетёное кресло издаёт тихий скрип.

— Где вы её нашли?

— У двери кухни. Она бы до утра там пролежала, если бы не Реджинальд.

Услышав своё имя, лохматый колли, развалившийся поблизости, приподнимает голову.

— Мы теперь разрешаем ему спать в доме, — объясняет миссис Лэйн, усаживаясь в другое кресло. — Он, бедняга, стареет — как и мы.

Реджинальд снова опускает голову и принимается колотить пушистым хвостом по доскам.

— Я так понимаю — он залаял? — нетерпеливо уточняет Шерлок Холмс.

— О, как тигр! — Миссис Лэйн энергично кивает. — Только мы бы всё равно его не слышали, если бы я не спала в библиотеке на кушетке. Вы уж извините меня, мистер Холмс, но по лестнице ходить одно мучение — так колени ноют.

— Я лёг там, где полагается, — с нажимом произносит мистер Лэйн, — и ни о чём не подозревал, пока миссис Лэйн не позвонила в колокольчик.

— Он бросался на дверь и лаял, как лев, да-да! — восклицает миссис Лэйн, очевидно, имея в виду пса. Её эмоциональный рассказ резко контрастирует с осторожным отчётом супруга, особенно если учесть, что ни тигры, ни львы не умеют лаять. — Я боялась открывать, пока мистер Лэйн не спустится.

Шерлок Холмс откидывается на спинку кресла, и его острые черты привычно отражают вселенское разочарование в неразумном человечестве.

— Итак, вы открыли дверь и увидели посылку, но не того или тех, кто её принёс... Во сколько это произошло?

— В четверг, в три часа двадцать минут, мистер Шерлок. Я побродил немного по окрестностям, но ночь была тёмная,

погода облачная, и невозможно было ничего разглядеть.

— Понимаю. Итак, вы забрали посылку в дом, однако не стали её вскрывать. Почему?

— Мне кажется, мистер Шерлок, адресована она вовсе не нам. К тому же выглядит она необычно, и описать это сложно. — Очевидно, Лэйн собирается всё же попытаться, но Шерлок Холмс останавливает его взмахом руки:

— Буду полагаться на собственные впечатления. Прошу, принесите мне эту таинственную посылку.

* * *

Посылка оказывается больше похожа не на свёрток, а на большой плоский конверт из склеенной плотной коричневой бумаги. И конверт этот почти ничего не весит, словно пустой внутри. Только надписи на нём привлекают зор-

кий взгляд Шерлока Холмса. Каждый дюйм бумаги покрыт грубым чёрным орнаментом. Все четыре угла украшают жирные линии, зигзаги, спирали и петли, а между ними темнеет узор из кружков в овалах, напоминающих глаза.

— Жуть наводит, вот что, — бормочет миссис Лэйн и крестится.

— Полагаю, так оно и задумано. Кто же...

Вопрос мистера Шерлока Холмса повисает в воздухе. Великий детектив всматривается в нарисованных птиц, змей, в стрелочки и знаки зодиака, звёзды, солнца и полумесяцы, покрывающие всю поверхность конверта. Из них выделяется лишь большой круг в самом центре: окружённый рядами крестиков, словно огороженный, и на первый взгляд кажущийся совершенно пустым. Шерлок Холмс достаёт лупу и рассма-

тривает через неё весь орнамент, особенно тщательно изучая круг в центре, с не присущей даже такому великому уму доскональностью.

Наконец он откладывает лупу, не обратив внимания на то, что она приземлилась на блюдо с кокосовым печеньем, роняет конверт на колени и устремляет взгляд в дубовые рощи Фернделла, виднеющиеся вдали.

Мистер и миссис Лэйн переглядываются. Все молчат. В гробовой тишине слышно, как мирно похрапывает колли Реджинальд.

Шерлок Холмс быстро моргает, смотрит на спящего пса, а затем поворачивается к дворецкому и его супруге:

— Вы обратили внимание на карандашный рисунок?

— Да, сэр, — натянуто, даже как-то осторожно отвечает Лэйн.

— Я, старуха, его не увидела — совсем глаза подводят, — признаётся миссис Лэйн, словно в страшном грехе. — Потом мистер Лэйн мне показал при утреннем свете. Сложно что-либо разобрать на коричневой бумаге.

— Было бы куда проще, если бы его не закрасили углём.

— Углём?! — хором восклицают дворецкий и кухарка.

— Именно. Если присмотреться, видно чёрную пыль и мазки. После него от изначального рисунка почти ничего не осталось. Как вы думаете, что здесь было изображено?

Мистер и миссис Лэйн обмениваются неловким взглядом, и Лэйн отвечает:

— Очаровательный, хрупкий цветок...

— Хризантема, — резко перебивает его Шерлок.

— ...в венке зелени.

— Среди лиан, — ещё жёстче поправляет слугу Шерлок. — Вы не узнали руку художника?

Тишина. Супруги выглядят заметно расстроенными.

— Ну, — наконец произносит миссис Лэйн, — напоминает... — Она не в силах вымолвить, что именно напоминает ей узор на конверте.

— Мы не можем этого сказать, мистер Шерлок, — умоляюще протягивает Лэйн.

— О, бросьте! — отмахивается Шерлок. — Вы оба прекрасно знаете, что этот карандашный рисунок принадлежит моей матери.

Он имеет в виду леди Евдорию Верне Холмс, пропавшую около года назад и, судя по всему, вовсе не похищенную. Всё указывало на то, что

пожилая эксцентричная дама сбежала из дома.

А вскоре после неё родное гнездо покинула и дочь леди Евдории, младшая сестра Шерлока юная Энола Евдория Хадасса Холмс, четырнадцати лет от роду.

После долгой паузы миссис Лэйн робко спрашивает великого детектива:

— Мистер Шерлок, вы хоть что-нибудь слышали о леди Холмс или о мисс Эноле?

Имя сестры зажигает созвездие эмоций на остром лице Шерлока.

— Ах да, мы с Энолой несколько раз встречались в Лондоне, однако встречи наши заканчивались не так, как мне бы того хотелось.

— У неё всё хорошо?

— Даже слишком. Вначале она переписывалась с матерью через колонку

объявлений в «Pall Mall Gazette» закодированными сообщениями.

Миссис Лэйн бросает взгляд на мужа. Тот прочищает горло и уточняет:

— Вы разгадали шифр?

— Их было несколько. И — да, разумеется, разгадал. Кроме одного, который кажется мне бессмыслицей. — Смущённый своим же признанием, великий детектив начинает говорить более грубым тоном: — В любом случае я знаю наверняка, что кодовое имя моей матери — Хризантема, а сестры — Лиана. — С этими словами он стучит пальцем по карандашному рисунку на конверте.

Мистер и миссис Лэйн так громко ахают, что колли Реджинальд просыпается и вскакивает на белые лапы, насторожённо поднимает голову и, наострив уши, поводит носом.

— Реджинальд, — с серьёзным видом обращается к нему Шерлок, как если бы перед ним стоял не старый пёс, а доктор Ватсон. — Леди Холмс ни разу не заявила о себе за все эти долгие месяцы. Почему мы внезапно получили этот конверт? — Его длинные худые пальцы отбивают ритм по плотной коричневой бумаге. — И что лежит внутри?

— Принести нож для писем, сэр? — спрашивает Лэйн.

— Нет. Я не могу его вскрыть. — Как воспитанный джентльмен, Шерлок не смеет читать чужие письма. — Оно для Энолы.

Шерлок Холмс убирает лупу в карман и поднимается — такой же насторожённый, как и колли Реджинальд, словно ищейка, напавшая на след.

— Я заберу его с собой в Лондон и отдам сестре.

Мистер и миссис Лэйн поднимаются вслед за ним, потрясённые и полные сомнений.

— И вы знаете, как её отыскать, мистер Шерлок? — недоумевает дворецкий.

— Да, — отвечает детектив с хитрой полуулыбкой и уверенным блеском в глазах. — Да, пожалуй, знаю.

Глава первая

ТЕМ СУДЬБОНОСНЫМ УТРОМ я пришла в контору доктора Лесли Т. Рагостина, учёного искателя и моего выдуманного работодателя, в идеально подогнанном по фигуре пышном платье из зелёной, как листья омелы, шёлковой ткани фэй, с широким воротничком из органзы и в шляпке в тон на изящной красновато-каштановой шевелюре — то есть парике цвета розового дерева, а главное — с обручальным кольцом на пальце.

— Доброе утро, миссис Джекобсон! — выкрикнул слуга, придерживая мне дверь.

— Доброе утро, Джодди! — ответила ему я и улыбнулась. А если честно, положительно просияла. Наконец-то месяц спустя он научился звать меня как положено. Не то что в то самое первое утро, когда я пришла на работу в дорогом платье, заказанном у швеи (из нансука¹ сливового цвета и с оборками), и с кольцом.

— С этого дня обращайтесь ко мне «миссис Джекобсон», — строго сообщила я тогда всем работникам «доктора Рагостина». Экономка миссис Фицсиммонс, кухарка миссис Бэйли и Джодди собрались по моей просьбе и смотрели на меня с нескрываемым изумлением. — Миссис Джон Джекобсон. — Я вытянула левую руку, демонстрируя обручальное

¹ Тонкая хлопчатобумажная ткань (Здесь и далее — прим. перев.).

кольцо, купленное накануне у ростовщика.

— С ума сойти! — воскликнул Джодди. Его большие глаза, выглядывающие из-под нелепой шляпы, которой требовала его униформа, округлились. — Это ж золото! Настоящее, да?

— М-м... примите наши поздравления, — сказала миссис Фицсиммонс. — И простите, что не проявляем радости. Признаюсь, мы ошеломлены.

Как и я сама, однако не объяснять же прислуге «доктора Рагостина», что мой брат Шерлок слишком многое обо мне узнал во время расследования дела, связанного с лордом Уимбрелом и таинственным кринолином, и мне пришлось покинуть Ист-Энд, бросить в пансионе все недорогие наряды Лианы Месхол, вульгарные светлые шиньоны и дешёвые побрякушки и в очередной раз подобрать для себя новую маску.

— Вы не проявляли никаких подobaющих... э-э... симптомов, — объяснила миссис Фицсиммонс.

— Что за чушь! — воскликнула прямолинейная миссис Бэйли. — Этот мистер Джекобсон, верно, взялся оттуда же, откуда и доктор Рагостин, а?

Миссис Фицсиммонс и Джодди ахнули. Впервые кто-то из прислуги осмелился намекнуть мне на то, что моя карьера построена на выдумке и паутине белой лжи. Само собой, мне следовало сурово осадить миссис Бэйли, однако раздутая, как ежиха, недовольная кухарка так меня позабавила и умилила, что я залилась смехом.

Все трое разинули рты.

— Миссис Бейли, вы совершенно правы, — призналась я, всё ещё улыбаясь. — Однако скажите, хорошо ли вам платят? Хорошо ли с вами обращаются?

Нравится ли вам здесь? — произнесла я, обращаясь к ним ко всем, и вопросительно вскинула брови.

Все энергично закивали, вероятно вспомнив о неоправданно щедрой праздничной выплате, которую получили на Рождество.

— Что ж, в таком случае... — продолжила я, глядя прямо на миссис Бэйли, — как меня зовут?

Несомненно, обрадованная тем, что её не уволили за смелое заявление, кухарка заговорщицки ответила:

— Конечно-конечно, вас звать... Ох ты ж, забыла.

— Миссис Джон Джекобсон, — повторила я. Имя достаточно распространённое, а значит, никто не станет предполагать, что именно его знакомый — тот самый Джон Джекобсон, мой воображаемый супруг.

— Да, мэм, миссис Джекобсон, — сказала миссис Бэйли и даже присела в реверансе.

— Прекрасно. Миссис Фицсиммонс?

— Искренне вас поздравляю, миссис Джекобсон.

— Благодарю. — Изменилась не только моя внешность — я позволила себе говорить с более аристократическим акцентом. — Джодди?

— М-м, как скажете, миледи...

Я вздохнула. Ну что же этот дубоголовый мальчишка никак ничему не научится?!

— Не называй меня «миледи»! Как меня зовут, ну?

— Э-э... Миссис Джейкобс?

— Джекобсон.

— Да, миледи. Миссис Джекобсон.

— Прекрасно. Кроме того, я больше не секретарь доктора Рагостина, а его помощница.

— Разумеется, миссис Джекобсон, — поддакнули все трое, признавая моё самоличное повышение.

— Впрочем, для вас это ничего не изменит, — добавила я. — Продолжайте работать, как работали.

Так они и поступили. Все разошлись по своим делам. Я не сомневалась, что они обмениваются сплетнями со всеми слугами в нашем районе. К счастью, мы находились далеко как от Шерлока, так и от Майкрофта, и к ещё большему счастью, мои братья не держат слуг. И всё же я переживала, как бы эти слухи не дошли до них.

Однако июнь постепенно перешёл в июль, и единственным значительным событием стало то, что я переехала на новое место, где намного лучше кормили, и моя фигура слегка округлилась — отпала необходимость в больших подкладках, — и тревоги отчасти улеглись.

Я заняла просторную комнату в Женском клубе, в котором состояла и где чувствовала себя в безопасности: туда не пускали мужчин. Это обстоятельство вкупе с переменами в моей внешности заставило меня расслабиться, но моё самодовольство вскоре ожидал жестокий удар.

Впрочем, не ранее чем произошло одно любопытное событие.

Глава вторая

В вышеупомянутое судьбоносное утро, когда я пришла на работу в зелёном, как листья омелы, платье и заняла своё место в кабинете, в дверь внезапно позвонили. И трезвонили так, будто случился пожар.

— Помогите! Ради бога, кто-нибудь, помогите! — Голос был мужской, аристократичный, и звучал он мелодраматично, практически как в опере, без английской сдержанности. Мне даже показалось, будто я уловила иностранный акцент. — Скорее!

— Джодди, открой же наконец дверь, — приказала я слуге.

Он подчинился, и я увидела несчастного с раскрасневшимся и искажённым лицом, жестоко зажатым между блестящим цилиндром и накрахмаленным воротничком. На нём был шёлковый шейный платок и городское пальто. Гость прошёл в мой кабинет, и я поднялась, чтобы принять его. Он с трудом придал своему лицу более спокойное выражение. Дикая красота этого молодого джентльмена навеяла мне мысли о Хитклифе из «Грозового перевала» Бронте.

— Доктор Рагостин на месте? — вежливо произнёс он, очевидно, потеряв лишь разум, но не манеры. А затем снял шляпу, обнажив волосы цвета воронова крыла.

— Боюсь, что нет, и вернуться он обещал не скоро. — Благородные фай и органза показывали, что я занимаю до-

вольно высокое положение в обществе, и это подпитывало мою уверенность. — Возможно, я, личный ассистент доктора Рагостина, смогу вам чем-то помочь? Прошу, садитесь.

Он устало рухнул в кресло. Тут же, словно по волшебству, учитывая привычную его нерасторопность, в кабинете возник Джодди с кувшином воды со льдом и стаканами на подносе. Я налила гостю холодного напитка, и он с готовностью его принял — несомненно, чтобы немного успокоиться и смочить саднящее горло.

Я тем временем заняла своё место за письменным столом.

— Ваше имя, пожалуйста, — попросила я, пододвигая к себе бумагу и карандаш.

Его брови взлетели, словно крылья ворона:

— Моя супруга, третья дочь графа Чипли-на-Уай, внезапно пропала при загадочных обстоятельствах, полиция ни на что не годна, и мне совсем не хочется тратить время на пустые беседы. Я бы предпочёл лично переговорить с доктором Рагостином.

— Разумеется. Однако я полномочна предпринимать предварительные действия в экстренных случаях. Прошу, сообщите мне все детали, и я запишу их для доктора Рагостина. Ваше имя?

Он выпрямился так, будто ему в спину вставили жердь.

— Сеньор Луи Орlando дель Кампо, герцог каталонских кровей.

Герцог! Испанский герцог!

— Рада служить вашей милости, — машинально отчеканила я. У меня, как и у всех выпускников английских школ, чётко отпечатались в голове названия всех сословий — король, герцог, маркиз,

граф, барон — и то, как положено к ним обращаться: ваше величество, ваша милость, лорд, лорд и лорд. По поводу таких любопытных личностей, как императоры, заморские графы, рыцари и младшие сыновья, следовало обращаться к справочнику по этикету. — Что же...

— Моя герцогиня, — важно перебил он, — великолепная леди Бланшфлёр, известная на весь мир своей хрупкой красотой, — самый нежный цветок во всём прекрасном саду женского пола.

— Несомненно, — пробормотала я, ошеломлённая столь поэтичным описанием, хотя фамилия его жены переводилась с французского как «белый цветок». — Правильно я понимаю, что супруга вашей милости пропала?

— Насколько нам известно, её похитили во время прогулки с фрейлинами.

Его кожа стала совсем белой и резко контрастировала с чёрными волосами.

— Вы можете сказать, в какое время совершилось злодеяние?

— Вчера, около двух часов полудни.

Значит, несчастный не спал всю ночь; неудивительно, что он так взвинчен.

— Где именно это произошло?

— В Мерилибоне. Если не изменяет память, они гуляли по Бейкер-стрит.

— А, — только и сказала я. — М-м...

Бейкер-стрит! Там находилась квартира моего любимого, выдающегося брата — и там я рисковала встретиться с ним, расследуя это дело.

— Э-э... Бейкер-стрит. Понимаю. Не могли бы вы сказать точнее?

— На Дорсет-сквер...

Прекрасно. Совсем рядом с квартирой Шерлока.

— ...неподалёку от станции метро.

Слово «метро» герцог произнёс с типичной для аристократов неприязнью,

с презрением к тёмному и пагубному нововведению, поскольку этим способом передвижения, самым дешёвым в Лондоне, пользовались только низшие слои. Несмотря на то что локомотивы собирали дым в специальном помещении за двигателем и выпускали его исключительно в вентиляционные шахты, в метро неизменно стояла вонь от паровых выхлопов и немытых тел.

Ездил ли мой брат Шерлок на метро? Ни в одном из рассказов доктора Ватсона, ни в одной из повестей великий детектив не заходил на станцию, так удобно расположенную вблизи его квартиры.

— Прошу, ваша милость, расскажите всё в подробностях.

— Позвольте, это просто нелепо! Вы меня терзаете! — Герцог Луи Орландо дель Кампо протестующе вскинул руки в лайковых перчатках. — Не могу же

я словно попугай повторять одну и ту же историю. Я требую привести ко мне доктора Рагостина!

Избавлю любезного читателя от описания того, как я увещеваниями, уговорами, стаканами воды и тратой драгоценного времени добивалась от его милости, чтобы он изложил мне свой рассказ. По неизвестным причинам его жена, благородная герцогиня, спустилась в адскую пасть лондонской подземки на Бейкер-стрит. Одна фрейлина осмелилась последовать за ней. Вторая осталась у входа. Чуть позже первая убежала из метро, встревоженная и растерянная — она потеряла герцогиню! Обе дамы отправились на поиски, но те ни к чему не привели. Аристократичная красавица Бланшфлёр дель Кампо исчезла бесследно.

Крайне любопытно.

— Полагаю, полиция уже ищет превосходительную сеньору?

Он вскинул голову. В его ярких глазах блестело отчаяние:

— Да, её искали, но тщетно.

— Там есть другой выход?

— Уверяю вас, что нет. Не могла же она, в самом деле, пойти по рельсам!

Действительно, было бы глупо идти по путям в компании грязных крыс, рискуя столкнуться с поездом,

— Могла ли она по той или иной причине сесть в вагон?

— В это время там не проходили поезда. Обе фрейлины на этом настаивают, и расписание подтверждает их слова.

— Однако, если бы герцогиня осталась на платформе или поднялась по лестнице на улицу, её бы непременно заметили!

— Именно! Это невозможно. Я в полной растерянности!

— Вы получили требование выкупа?

— Пока нет, однако не сомневаюсь, что вскоре получу. Я человек состоятельный, и её отец, граф, тоже богат... и всё же такое нелепое похищение не укладывается в голове! Как её унесли?! Как прошли незамеченными?! И ведь никто не мог предположить, что она спустится в эту клоаку, не мог предугадать её каприз!

— Чем же его объяснить?

— Боюсь, пока я не получил удовлетворительного объяснения. Фрейлины впадают в истерику, когда я обращаюсь к ним с вопросами, и инспектор полиции не может добиться от них никакого толку. Право, весь мир сошёл с ума! Боюсь, и я скоро потеряю разум. Я хотел обратиться к мистеру Шерлоку Холмсу...

У меня ёкнуло сердце.

— ...но он, как назло, уехал за город и должен вернуться только сегодня. К слову... — Измученный герцог Луи Орландо дель Кампо вынул из кармана жилета роскошные золотые часы. — Он уже, вероятно, меня дожидается. Мне пора. — Он поднялся. — Будьте так любезны, передайте доктору Рагостину...

— Ваша милость, я не сомневаюсь, что профессор захочет допросить фрейлин вашей уважаемой супруги, — спокойно произнесла я, хотя сердце тревожно стучало в груди.

— Они сильно подавлены.

— Понимаю. Тем не менее с ними необходимо поговорить, и если они не доверились ни вам, ни полиции, вряд ли согласятся рассказать обо всём незнакомому мужчине.

— Вы правы. Действительно. — Герцог растерянно окинул взглядом комнату, а когда остановился на мне, на него

словно снизошло озарение. — Возможно, было бы лучше, если бы их допросила женщина? Окажете мне такую услугу?

— Разумеется. — Я воздержалась от того, чтобы восхититься мудрым решением, к которому сама же его и подвела. — По какому адресу я смогу их найти, ваша милость?

Глава третья

ПРИЗНАЮСЬ, КОГДА Я ВПЕРВЫЕ увидела городской особняк герцога Луи Орландо дель Кампо на Окли-стрит, он вызвал у меня немалое удивление, поскольку я не ожидала увидеть в этом роскошном районе у набережной Виктории дом в неомавританском стиле. В Лондоне встречались самые разные архитектурные стили: неогреческий, георгианский, итальянский, французский, швейцарский, баварский и так далее до бесконечности — но мавританский? Его я видела крайне редко. В этом

здании из жёлтого кирпича приятными охряно-оливково-коричными оттенками жертвовали в угоду багряной отделке и сиренево-синей крыше. Под остроконечными арками в красно-белую полосу сверкали рубиново-изумрудные витражи. Ко всем дверям вела шахматная плитка, а эркерные окна и башенки вместо скучной черепицы венчали бронзовые купола словно из «Арабских ночей». Я приблизилась ко входу и постучала дверным молотком в виде улыбающегося джинна, готовая к чему угодно — даже к дворецкому в тюбане.

Но мне открыла обычная горничная в утреннем платье в цветочек, и на протянутый серебряный поднос я положила визитную карточку доктора Рагостина, на которую заранее приписала вручную своё новое имя: миссис Джон Джекобсон.

— Мистер Шерлок Холмс прибыл? — спросила я.

— Пока нет, мадам. Он скоро будет.

Печально. Когда Шерлок появится, мне придётся сбежать. А я ещё не придумала как.

Горничная понесла мою карточку фрейлинам. Не личным горничным, и даже не компаньонкам, нет — фрейлинам! Хмм. Любопытно. Дожидаясь возвращения служанки, я разглядывала прихожую с арочным потолком, украшенную арабесками и испещрённую нишами, в которых вместо привычного дрезденского фарфора стояли необычные сосуды — керамика, бронза — в форме слонов, львов, аистов, петухов, дельфинов, крокодилов, кошек... нет, как ни странно, кошки оказались настоящими! Домашними, грациозными, декоративной восточной породы. Они сидели меж ваз и ловко гуляли по резным

деревянными выступам. Меня так поразила экзотичность этого дома, что, когда горничная вернулась за мной и повела наверх, я вполне готова была увидеть нечто похожее на сераль¹.

Будуар не разочаровал. Мало того что стены были обшиты деревянными панелями цвета слоновой кости — их ещё покрыли яркой разноцветной плиткой в форме звёздочек, искусно сложенных в единый узор. Бордюр под потолком состоял из цепочки объёмных пятнистых лошадей. На одной стене висели персидские миниатюры в рамках из слоновой кости. Под ногами лежал мягкий турецкий ковёр с изящным узором. Казалось, я попала в другую страну.

Однако приняли меня дамы с типичными чертами английской аристократии: пресными лицами, тонкими губами и бледными глазами, вероятно, млад-

¹ *Сераль* — дворец султана, а также его женская половина на Востоке.

шие дочери вице-королей или баронов. Их представили как Мэри Хамблтон и Мэри Торокрамб. На первой было великолепное платье из бирюзового атласа с медно-золотым оттенком, на второй — персиковое, из тафты, в стиле маркизы Помпадур, покрытое розовым муслином. Выглядели обе так изысканно, что мне стало немного неловко в платье фасона «принцесса» из плотного фая, достойном, но далеко не таком роскошном. Если фрейлины герцогини одевались так дома — как же богато наряжалась сама Бланшфлёр на прогулку?

Этот вопрос я оставила на потом. Обе Мэри сели и с безразличным видом кивнули мне на третий стул. Несмотря на их возвышенные одежды, настроение у фрейлин было упадочническое, а глаза красные и опухшие.

— Нам сейчас так тяжело, — произнесла Бирюзовая Мэри, когда принесли

чай. Горничная подала чашку мне последней, и по неестественно вытянутым спинам и задранным подбородкам фрейлин читалось, что они поступили чрезвычайно благородно, согласившись принять столь непримечательную особу.

— Мы уже разговаривали с полицией, — с лёгкой досадой добавила Персикова Мэри. — Так что ваш... доктор Рагостин желает знать?

Прилежно играя свою роль, я сняла хлопковые летние перчатки жёлто-бежевого цвета, бросила их в маленький саквояж и извлекла из него блокнот с карандашом:

— Во-первых, с какой целью вы и ваша благородная госпожа отправились в Мерилибон?

— «Цель» не самое подходящее слово, — резко ответила Бирюза. — Нашей милой Бланшфлёр не нужна причина,

чтобы пойти туда, куда ей заблагорассудится.

«Нашей милой Бланшфлёр»? Не «нашей дорогой леди» или «нашей любезной госпоже»? Похоже, герцогиня и её фрейлины удивительно близки.

— Её милость была... нет, есть и сейчас... — фрейлина замялась. — У неё свободный дух...

— Юный, — вставила Персик, которой и самой было не больше двадцати. — Она любительница безобидных приключений, и размеренная, спокойная жизнь кажется ей скучной, и если каприз может хоть ненадолго поднять ей настроение... — В её близко посаженных глазах заблестели слёзы.

Я с немалым удивлением отметила про себя, что обе Мэри искренне привязаны к своей госпоже.

— Каприз? — уточнила я.

— Да. Ей хотелось побывать в самых презируемых уголках города. От кого-то она слышала, что районы можно определять по фонарям...

Действительно, меня и саму восхищали едва заметные различия в их форме, и я тут же почувствовала определённую приязнь к молодой жене герцога Луи Орландо дель Кампо.

— ...и ей нравилось их рассматривать, поэтому мы разъезжали в экипаже по Лондону и прогуливались по разным местам.

— Вполне естественный интерес, — убедила их я и продолжила: — Итак, вчера вы посетили Бейкер-стрит? И станцию метро?

— Да. Разумеется, никому из нас и в голову не пришло бы туда спуститься! Ни в коем случае! Ведь там может стоять запах сигарного дыма, эля и копчёной сельди!

— Мы всего лишь проходили мимо, но у лестницы нам встретилось бедное старое создание...

— Она плакала и стонала, уверяя нас, что страдает от водянки, не может сойти по ступенькам и опоздает на поезд. Теперь я даже не сомневаюсь, что она была в сговоре с похитителями! — заявила Бирюза. — Само собой, тогда мы о таком и подумать не могли, и наша добрая Бланшфлёр...

Они посмотрели мне за плечо, и так пристально, что я не выдержала и обернулась. На стене за мной висел портрет очаровательной леди в полный рост. Её светлые волосы, изящные черты и чувственные, добрые глаза поразительно контрастировали с великолепными одеждами из красного бархата, вышитыми золотым бисером.

— Это она?! — невольно воскликнула я, поскольку из-за внешности самого

герцога представляла его супругу такой же пылкой и экзотичной, хоть и знала, что её отец английский граф, а мать француженка.

— Да, это наша милая госпожа, но в жизни она ещё прекраснее, — с трепетной нежностью и любовью в голосе произнесла Персик. — У неё ангельское личико, великодушное сердце и душа ребёнка — добрая, открытая к сочувствию...

— Нет на свете человека терпеливее и жертвеннее... —插入了 Бирюза и тут же осеклась. Мне стало неловко, когда я увидела, как плачет эта гордая, заносчивая леди.

— Тише, милая, тише, — стала успокаивать её другая Мэри. — Разве же мы знали? Разве могли предугадать? — Она повернулась ко мне объясниться: — Мы чувствуем себя виноватыми, но всё произошло так быстро и спонтанно...

— Будь проклята эта беззубая стару-

ха с щетинистым подбородком! — причитала Бирюза, горько всхлипывая.

— Она стала звать нашу госпожу, — добавила Персик и сказала, пытаясь изобразить говор кокни: — «Ох, неужто святая Мадонна спустилась на землю? Помохи мне, добрая душа, помохи бедной старой женщине. Лестница, беда вот, крутая, боюсь, как бы не упасть, а там и дух вон, но я же вижу по лицу твоему, ну прям как у ангела...»

— Хватит! — хрипло оборвала её Бирюза.

— Всё равно я дальше не помню, — отмахнулась Персиковая Мэри. — Ведь к тому моменту наша милая безрассудная Бланшфлёр уже вела старую попрошайку вниз по ступенькам и мы упустили её из виду.

Фрейлины в этом не признались, однако я подозревала, что они застыли на тротуаре как громом поражённые.

— Как выглядела старуха? — спросила я.

— Как жаба в самом кошмарном соломенном капоре на свете, потрёпанном и покосившемся, — злобно произнесла Бирюза, смахивая слёзы. — Я сказала Мэри: «Ты иди за Бланшфлёр, а я останусь здесь — на случай, если вы разминётесь».

Уверена, по этому поводу они не сразу достигли согласия, однако и об этом мы говорить не стали. Вполне вероятно, что прошло какое-то время, прежде чем одна из фрейлин спустилась в метро.

— Я искала повсюду, среди самых жутких и грязных проходимцев, по всей платформе — её нигде не было! Я даже заглянула в кладовку под металлической лестницей...

— Со своей стороны могу вас заверить, что наверх она не поднималась, —

ЭНОЛА ХОЛМС И ЗЛОВЕЩИЕ ЗНАКИ

заявила вторая. — Должно быть, ты её проглядела!

— Я везде посмотрела!

— А что старуха? — спросила я, надеясь предотвратить назревающую ссору.

— Пропала, словно её и не было! Исчезла бесследно! Как и наша милая Бланшфлёр!

Глава четвёртая

Они пребывали в таком отчаянии, что лишь самый жестокосердный человек осмелился бы продолжить расспросы. Я убрала блокнот и поднялась ровно в ту же минуту, когда с первого этажа донёлся гневный голос:

— ...заголовки в каждой газете — «Похищенная красавица из высшего света», «Ошеломляющее исчезновение дочери графа», «Пропала супруга испанского дворянина»...

Я сразу поняла, кто это.

Мой брат Шерлок!

— ...однако с утренней почтой ничего не пришло?!

Ответ я не разобрала, но он явно был утвердительным.

— Боюсь, их отпугнул интерес прессы, — с возмущением добавил Шерлок. — А пока мы не получим письмо с требованием выкупа, руки у нас, считайте, связаны.

Меня удивили его слова — по-моему, ещё много всего можно сделать. Так или иначе, я не могла выйти из будуара, пока он здесь.

— А... мм, вы не могли бы описать наряд её милости на той судьбоносной прогулке, когда вы видели её в последний раз? — спросила я обеих Мэри.

Они с готовностью описали его во всех подробностях:

— О, на ней было новое платье для прогулок от Редферна с наимоднейшими парижскими рукавами!

— Понимаете, такими пышными, — снисходительно уточнила вторая Мэри, как будто я не могла понять, о каких рукавах речь. После эпохи турнюров в моду вошли широкие, объёмные рукава — очевидно, без пышности в наряде было не обойтись.

— Из муара, такой чудесной шёлковой ткани цвета голубиной шеи с бантовыми складками на юбке и широким пояском, вышитым белым бисером в поразительном стиле модерн...

Модерн? Видимо, по моему лицу стало ясно, что я слабо себе это представляю, поскольку Мэри вдруг воскликнула:

— Подождите, у нас есть фотография!

Они бросились перекапывать ящики комода, заполненные роскошным нижним бельём. На ковёр выпал один из бережно выглаженных платочков. Я его подняла, любуясь изящной каймой из венецианского кружева, и увидела мо-

нограмму, вышитую золотыми и алыми нитками: «ТЖ».

— Герцогиня дель Кампо? — уточнила я, передавая носовой платок Персиковой Мэри.

— Верно, — ответила за неё Бирюза. — Где же этот снимок?!

Пока они занимались поисками, я разглядывала великолепный будуар: горшки с папоротниками, книжные шкафы со стеклянными дверцами, набитые книгами, букеты павлиньих перьев в громадных экзотических вазах, письменный стол с очаровательной столешницей из розового дерева...

...на которой лежало неоконченное письмо, выведенное синими чернилами на дорогой бумаге и подписанное монограммой «ТЖ». Оно пробудило у меня неподдельный интерес, однако я постаралась принять безразличный, скучающий вид и неспешно, как бы ос-

матриваясь, подошла к столу. Мне всегда удавалось определить характер человека по почерку, и почерк леди Бланшфлёр удивил меня своей исключительной простотой. Аккуратно выведенные буквы без каких-либо завитушек выглядели бы по-детски, если бы не были такими мелкими.

Привлекло меня и содержание письма. Здесь следует объяснить, что я умею бегло просматривать целые страницы, ухватывая общую суть. Возможно, благодаря тому, что в детстве прочла всю Британскую энциклопедию. Пускай не слово в слово, я всё же приведу здесь текст письма:

Любимая мамочка,

Надеюсь, Вы и дорогой папуля в добром здравии, и он не так сильно страдает от ревматизма в тёплую летнюю погоду. Большое спасибо за рецепт угрей в мят-

ном соусе с овощным пюре. Я подробно пересказала его кухарке, и мы непременно скоро его попробуем.

Самое крупное — нет, признаюсь, единственное событие, о котором стоит упомянуть: доставили новое платье от Редферна, которое мой добрый муж заказал для меня по совету Мэри Т. и Мэри Х. Разумеется, платье великолепное, и чуть дальше я о нём ещё напишу, обещаю, но, мамочка, милая, мы собираемся в Париж, чтобы снять мерки для нового платья от Ворта, а Вы лучше всех знаете, как мне становится неловко от такой роскоши. Что хорошего или полезного сделала я в своей жизни, чтобы заслужить сказочное богатство? Знаю, папуля сказал бы, что таково Божье провидение, и нищие бедны по той же причине или в силу собственной лени, но мне в это не верится. Я вижу бедняков на улицах — в Лондоне слепые

попрошайки встречаются на каждом углу, как и контуженные солдаты, кудрявые продащицы бутоньерок и цветов, дети цыган в обносках, — и мне так их всех жаль! Я бросаю им пенни, и мои фрейлины меня за это отчитывают, но хотя бы моему мужу ничего не говорят — Вы знаете, как бурно мой дорогой Луи реагирует на любую мелочь, то ревёт словно дракон, то осыпает меня поцелуями, отчего мне становится неловко. Я думала, его пыл остынет с годами, но нет, и сама я чувствую себя недостойной быть его женой, поскольку до сих пор не подарила ему ребёнка. Понимаю, нельзя отчаиваться и жаловаться на жизнь, но не знаю, как платье от Редферна может всё уладить.

Простите, если мои слова показались Вам неблагодарными. Я не представляю, как выразить бурю чувств...

На этом письмо обрывалось — очевидно, герцогиня в самом деле не знала, как лучше выразиться, и решила закончить его позже. Я тоже не знала, что и думать после такого сочинения, ведь в моём воображении Бланшфлёр была изнеженной, презренной аристократкой, однако её глубокое сострадание навело меня на мысль, что, если мы когда-нибудь встретимся, она мне, возможно, понравится.

— Ах! Вот она! — воскликнула Бирюзовая Мэри.

Я поспешила к ней, и она протянула мне большую рамку-книжку для фотографии, которую я тут же открыла.

Глава пятая

Узкое лицо герцогини терялось среди густых золотисто-каштановых прядей и невероятно изысканного наряда. Я взглянула в её печальные глаза. Шёлковый воротник, пышнее которого я в жизни не видела, закрывал подбородок, и нежный бантик сбоку идеально сочетался с бантом на пояске — боже, как же туго он был затянут! Я невольно выпалила:

— Впервые вижу такую тонкую талию!

— Неудивительно, — с гордостью произнесла Персик. — Наша милая

Бланшфлёр с детства носит ложечный корсет.

Чудовищно! Такой корсет сжимает даже верхнюю часть бёдер, а железная «ложка» давит на живот. И она носит его с детства! Как же ей пришлось страдать! Я и сама вынужденно носила корсет, чтобы прятать в нём самое необходимое, вроде моего кинжала, и хотя никогда его не затягивала, с огромным наслаждением избавлялась от этого жестокого инструмента пыток вечером каждого дня...

— Она всегда его надевала, даже в постель.

Герцогиня спала в корсете?! Да, многие благородные леди шли на такие жертвы, но всё же... какой кошмар!

— Кроме, конечно, того времени, когда была в положении.

В положении?!

— Она... мм...

— К несчастью, оба выкидыши.

Неудивительно.

— Очень жаль, а ведь роды ещё мучительно болезненны и опасны для здоровья её милости.

Разумеется. Искалеченная корректирующими корсетами герцогиня вполне могла умереть от такой нагрузки. Я не представляю, чтобы столь истерзанное тело могло выносить дитя — а ведь от неё это ожидалось!

— Полагаю, — заметила Бирюзовая Мэри, забирая у меня фотографию, — надо показать её мистеру Шерлоку Холмсу. Кажется, он уже прибыл.

О нет! Я сделала вид, будто всё прослушала, и выпалила:

— Само собой, её милость была в перчатках?

— О да, в белых сетчатых.

— Чем она дополнила образ? — уточ-

нила я, имея в виду аксессуары, которые леди обычно брали с собой на прогулку — ридикюль, муфточку, веер...

— Белым кружевным зонтиком с муаровыми оборками в тон платью, — ответила Персик. — А в другой руке она несла платок.

Необычно. Платки носили с собой незамужние девушки, держа их за самую серединку, чтобы они развевались подобно вееру, и если мимо проходил привлекательный джентльмен, платок намеренно роняли на пол.

Бирюза прочла в моём взгляде немой вопрос.

— Бланшфлёр всегда носила с собой платок, поскольку страдала от лёгкой астмы... то есть страдает, — добавила она уже намного жёстче и холоднее, сердитая на себя и недовольная мною. — Я провожу вас до двери.

Так наша беседа резко подошла к концу — однако почему леди не позвали горничную, чтобы та меня увела?

— Идём, — бросила она и поспешила к выходу из будуара, сжимая в руке фотографию.

О, как же мне не везёт! Она хочет немедленно показать Шерлоку этот проклятый снимок. Лично. Она не желает больше ждать.

Проклятие, и как же быть? Я чувствовала себя крысой, забегающей в ловушку, когда шла вслед за надменной фрейлиной к лестнице. Если Шерлок меня увидит — последствия могут быть самые неприятные. Предположим, он не узнал бы родную сестру в стильном женственном наряде и шляпке, — но всё равно поинтересовался бы, кто это, и ему бы ответили, что я помощница доктора Рагостина... Нет, этого нельзя допустить! Я должна избежать встречи

с братом, скрыть от него эту свою «маску»...

Мы спустились по лестнице на площадку второго этажа, и сердце моё забилося ещё тревожнее. Там, в арочном проходе, виднелась высокая фигура моего брата, а рядом с ним стоял сам герцог Луи дель Кампо.

— ...искренне надеюсь, что вам удастся пролить свет на эту мрачную тайну, страшное горе для моей семьи...

Шерлок слушал благородного сеньора, сцепив руки за спиной и склонив голову, словно сочувственно ему внимая, хотя наверняка отчаянно желал скорее взять шляпу, перчатки и трость со столика и уйти...

У подножия лестницы, напротив двери, стоял высокий столик, больше похожий на вешалку для шляп.

Мой разум ещё не успел обдумать план, но глаза увидели возможность, а руки её

поймали. По перилам гуляли три кошки. Я подхватила одной рукой самую крупную и грациозную, львиного цвета, а саквояж повесила на кончики пальцев и пошла дальше, поглаживая кошку по гладкой шерсти, чтобы она не принялась мяукать... раньше времени.

Бирюзовая Мэри неслась впереди, глядя только на Шерлока Холмса, и никто не заметил ни того, как я схватила несчастное животное, ни того, как подняла его чуть выше, когда мы спустились на первый этаж.

Честное слово, обычно я бережно обращаюсь с животными, но отчаянье моё было таково, что в тот момент я не придумала ничего лучше, как взять бедную кошку за хвост, чтобы больше её расплечь, и бросить (с удивительной, прошу заметить, меткостью) на столик для шляп.

Результат превзошёл мои самые смелые ожидания. Мало того, что невезучая львица завопила, как самый настоящий дикий зверь, так ещё её когти соскользнули с полированной поверхности, и она, опрокинув на пол столик вместе со шляпой и перчатками, в ужасе помчалась прочь.

По крайней мере, это всё, что я успела увидеть краем глаза, пока бежала к двери. Воспользовавшись тем, что на меня никто не смотрит, я выскользнула на улицу. Кто-то — возможно, герцог — завопил:

— Негодные создания!

Он стал жаловаться, как часто они всё разбивают и портят, но я его уже не слушала. К сожалению, мне никогда не удавалось насладиться подобными сценами, поскольку я устраивала их именно для того, чтобы сбежать.

Однако стыдно жаловаться. Отойдя от дома испанского герцога и завернув за угол, я смогла вздохнуть с облегчением, твёрдо уверенная, что мой брат меня не заметил и что вряд ли они будут говорить обо мне.

А вот в судьбе молодой герцогини я была не так уверена — ведь она пропала в метро.

Не все выходцы из высшего и даже среднего классов понимали, что в Лондоне на самом деле два города — наземный и подземный. Раньше в Темзу втекало много рек, но по мере того, как Лондон разрастался, их закрывали, и они использовались в системе канализации, пока не разразилась жестокая эпидемия холеры и не проложили новую канализацию, по которой отходы утекали в море. Однако старые реки никуда не делись. А затем построили подземную железную дорогу! Разумеется, рабочим требовались тонне-

ЭНОЛА ХОЛМС И ЗЛОВЕЩИЕ ЗНАКИ

ли, и подземная сторона города превратилась в, прямо скажем, швейцарский сыр! Удивительно, как он до сих пор не обрушился. И я не сомневалась, что в этом лабиринте были тайные ходы, по которым злодеи увели бедную герцогиню, чтобы получить за неё выкуп.

Надо немедленно осмотреться на станции метро у Бейкер-стрит.

Глава шестая

РАЗУМЕЕТСЯ, ПОЕХАЛА Я ТУДА НА метро. Когда великий детектив ещё, вероятно, ждал кеб на крыльце особняка в неомавританском стиле, я уже отдала саквояж смотрителю станции на Бейкер-стрит на хранение и осматривалась вокруг.

Это была одна из первых станций, всего с одним входом, и куда ни глянь — везде перед глазами стояли темнота и металл, и даже мигающие газовые светильники под потолком не разгоняли мрак. Высокие железные стропила, лестница, даже

стены в кабине зрителя — всё было сделано из железа, и никаких укрытий, которыми могли бы воспользоваться злодеи, не наблюдалось. Зато по платформе бродили самые неприятные на вид личности, повсюду блуждали тени, и, что хуже всего, из-за оглушительного грохота деревянных и металлических колёс на Дорсет-сквер и топота лошадиных копыт станция напоминала громадный барабан, и я находилась внутри его. Раньше, заходя в метро, я сразу мчалась по платформе к поезду, спеша по делам, и забежала в вагон, где приходилось какое-то время — к счастью, очень и очень недолго — терпеть давку и кисловатый запах пота. Поэтому только сейчас осознала, как здесь невыносимо шумно, даже без рёва локомотива. Все звуки отдавались эхом и рикошетили от стен, и в таком хаосе никто не услышал бы крика о помощи. Никто не заметил бы, если бы в чёрных

тенях убили хрупкую леди, тем более когда все приличные лондонцы только и думали, как бы не опоздать на свой поезд, не обращая внимания ни на что вокруг.

Другая версия, леденящая кровь, представлялась мне ещё более правдоподобной: робкую леди заманили или силой заставили спуститься на рельсы и увели в том или ином направлении; возможно, преступников было двое, и они с лёгкостью с ней справились.

Если герцогиня Бланшфлёр дель Кампо не поднялась по лестнице и не села в поезд, а тела — к счастью — не нашли, она, скорее всего, вышла со станции по железнодорожным путям.

Однако осуществимо ли это? Ведь и её, и похитителей мог сбить несущийся по тоннелю поезд! От этой мысли мне стало не по себе. Современный подземный лабиринт был не только мрачным и душным, но и холодным и влажным.

В тоннеле стояла крошечная тьма, а я не захватила с собой фонарь — но ведь герцогиню наверняка увели именно по тоннелю! Будь проклято моё бесстрашие — однажды оно приведёт меня в могилу! Помню, в раннем детстве я любила переходить реку не по самому мосту, а по его перилам, опасно балансируя над водой.

Я закатила глаза, но решения своего не изменила.

Налево или направо? Случайным образом выбрав направление, я подошла к самому краю платформы высотой футов шесть. Оглядевшись по сторонам и убедившись, что на меня никто не смотрит, я с лёгкостью спрыгнула с платформы и пошла налево, примерно на северо-запад. Глаза постепенно привыкали к темноте. Крысы разбегались с возмущённым писком, как и тараканы, повсюду валялся мусор, из трещин в крыше и стенах шла вонь и капала мутная вода.

Всё это меня не удивляло, но чего я не ожидала — так это встретить роющегося в мусоре оборванца. Он сливался с окружающим мраком, и я заметила его в самый последний момент, не успев приготовить приветствие — ни словесное, ни денежное, — поскольку он развернулся ко мне в то же мгновение, пылая гневом:

— А вы чехо тут делаете?!

Вполне законный вопрос — достойные леди в чистой, накрахмаленной одежде обычно не разгуливали по железнодорожным путям. Для низших слоёв одежда не менее важна, чем для высших.

— Вам тут не место! Я его забил, понятно?!

Да понятно: он был помоечником, самым ничтожным звеном «достойной бедноты». Они копались в канализации среди пахучих подземных существ, гнилой рыбы, мусора, требухи, отходов и всякой слизи ради «находок» вроде

древесины, металла, монет или — вот удача! — трупа, у которого можно забрать одежду и кошелёк. Потому что убийцы тоже разбирались в лабиринте подземных ходов.

— И не возвращайтесь! — крикнул помоечник мне вслед, когда я уже уходила, да так яростно, будто сам подумывал меня прикончить.

Сомневаясь, что он прячет за грязной спиной бедную леди Бланшфлёр, я послушно забралась обратно на платформу станции «Бейкер-стрит». А там, переведя дыхание, предалась размышлениям о том, чтобы пойти в другую сторону, на юго-восток, ведь удача улыбается смелым, трусостью леди не завоевать и так далее — но здравый смысл возобладал. То, что нужно было узнать, я узнала — судя по тому помоечнику, люди выживали в тоннелях метро, избегнув колёс поезда. А теперь, чтобы самой исследовать

этот лабиринт, мне следовало вернуться сюда в лохмотьях, с фонарём, длинной палкой и говором кокни. Сердце всё ещё тревожно колотилось после встречи с «троллем в тоннеле», и, забрав у смотрителя станции свой саквояж, я с готовностью выбежала наверх, радуясь свету и воздуху (хотя он был не намного чище, чем в метро) Дорсет-сквер, через которую проходила Бейкер-стрит.

По дороге тянулась неторопливая процессия из телег с пивом и хлебом, водовозов, повозок, ландо и двухместных карет. Мимо меня прокатил омнибус с вездесущей рекламой «молока от Нестле» на боку. По мощённой булыжником площади ходили разносчик рыбы с корзиной свежей сайды на голове, расклейщик объявлений с длинной кистью, ведром клея и рулоном рекламных листовок, вышедшие на прогулку леди, деловые господа в цилиндрах, хохочущие

ребятишки (среди которых я заметила уже довольно высоких девчонок!) — они раскачивались на верёвке, привязанной к фонарю, — и продавец сладостей (точнее, мороженого), который выставил свои бидоны и складной стол посреди всего этого хаоса и кричал:

Холодное, сладкое, тает во ртах!

Всего за монетку, а вкусно — аж страх!

Ха. Я и так уже натерпелась страху в тоннеле метро. Однако мне хотелось — нет, я заслужила немного мороженого! И уже собралась подойти к лотку, когда прямо передо мной возникла старая цыганка ростом почти с меня.

Я недовольно поджала губы. В Лондоне все цыгане — попрошайки, вымаливающие у прохожих пенни, в то время как у них самих на запястьях, в ушах и на шее, над красочными блузами с глубоким вы-

резом, звенит целое состояние в золоте — золотые бусины, цепи, подвески, всё их земное богатство, неизменно оттеняющее грубую смуглую кожу. А на безвкусовые наряды всегда нашиты жестяные кругляшки и медные амулеты, блестящие на солнце и побренькивающие при ходьбе, «волшебные» талисманы с изображениями птиц, змей, стрел, звёзд, солнц, полумесяцев, больших, широко распахнутых глаз. Наверное, именно из-за «дурного глаза», суеверий о «проклятии цыган» никто не смел у них красть.

Эта цыганка была одета так же, как и другие, но вместо скулящей мольбы я услышала низкий, хрипловатый голос.

— Дитя, — сказала она, — я вижу кинжал в твоей груди и ворона у тебя на плече.

Я застыла, словно громом поражённая, поскольку мой кинжал, как всегда, покоился в корсете, — но откуда ей было

это знать?! Потеряв дар речи, я уставилась на старуху с прямой, как стрела, спиной, острым, словно копье, лицом, но впалыми щеками, с длинными и жёсткими седыми волосами, лежащими между лопаток будто хвост лошади из вересковой пустоши.

Лишь спустя несколько мгновений полного замешательства я осознала, что о кинжале она говорила метафорически, как и о вороне — грозно, но образно. Ведь у меня на плече совершенно точно никто не сидел.

Она продолжила всё тем же тихим, низким голосом:

— Ты в опасности, дитя моё, ты окутана тенями.

Да, но откуда ей об этом известно и почему она называет меня «дитя», когда я одета как взрослая женщина?!

На смену изумлению пришло раздражение.

— Возможно, опасность исходит от вас? Что вам нужно?

— Взглянуть на твою ладонь, дитя.

— И, подозреваю, я должна буду позолотить вашу?

— Нет. Мне ничего от тебя не нужно. Просто есть в тебе нечто... как будто знакомое.

Вдруг, совершенно неожиданно, я узнала кое-что в ней. Точнее, в её украшениях. Среди всех амулетов, висящих на одеждах цыганки, выделялся один, не медный и не жестяной, а деревянный — тонкий кружок, разрисованный жёлтой краской. На первый взгляд могло показаться, что на кругляшке изображено яркое солнце, но я сразу поняла: это хризантема. Невозможно было не узнать эти мазки, такие же характерные, как почерк.

Признаюсь, из головы у меня тут же улетучились все мысли о пропавшей гер-

цогине — вместе с манерами. Не раздумывая, я схватила талисман, пришитый к блузе цыганки и частично прикрытый седыми волосами и золотыми цепями. Несмотря на такую наглость, цыганка даже не попробовала мне помешать. Она стояла неподвижно, словно железный столб.

Деревянный кругляшок, очевидно выпиленный из ветки или ствола молодого деревца, держался на одной нитке, продетой через отверстие сверху. Я перевернула его дрожащими руками.

Да, от старых привычек так просто не избавишься: на обороте большими буквами была выведена подпись в виде инициалов: *Е.В.Х.* Знакомым мне небрежным почерком. *Евдория Верне Холмс.*

Мама.

Глава седьмая

Поражённая до глубины души, я проговорила заплетающимся языком:

— Это нарисовала моя мать.

Хотя обращалась я не то чтобы к цыганке, а к Вселенной и небесам, она изумлённо ахнула:

— Твоя мать?!

Её голос вернул меня к реальности. Я убрала руку и выпрямилась, встретившись с янтарными, почти кошачьими глазами:

— Да, это рисунок моей матери. Совершенно точно.

И почему меня это так удивило? Ведь я знала, что мама сбежала к цыганам уже около года назад и что она жить не могла без кистей и красок.

Старая цыганка с почтением склонила голову, будто стояла не на шумной улице, а в тихой часовне. Она достала яркий платок и, повязав его обручем на волосы, сложила руки в молитвенном жесте и произнесла:

— Благослови тебя судьба, дочь Цветочной Марии.

Я не привыкла к такому благоговению и потому очень смутилась и растерялась.

— Благодарю вас, — сказала я наконец, — но мою мать зовут иначе.

— Для нас она Мария, — объяснила цыганка и, устремив на меня свой пронизывающий взгляд, продолжила низким, хрипловатым голосом: — Давным-давно на земле жили Мария Магдалина, Мария из Вифании, Чёрная дева Мария и Мария

из Назарета, мать-девственница. Мы носим их иконы в своих караванах. И к нам пришла женщина, которая не говорит на нашем языке, но путешествует с нами, спасает от гнева полиции и лесников, пишет новые иконы, рисует цветы счастья, горя и удачи, и с ней мы вольны отправиться по любой дороге и можем есть жирную рыбу, и мы почитаем её и называем нашей Цветочной Марией.

— Она моя мать, — повторила я. — Вы поможете мне её найти? Где она?

— Где она? Где стрела, запущенная в небо? Где зарыто сокровище? Где летает сова безлунной ночью? Мы цыгане, дитя. Мы встречаемся и расходимся, приходим и уходим, движемся туда, куда дует ветер.

Я поняла, что цыганка не насмехается надо мной, а всего лишь говорит образно, однако почувствовала — она увиливает от ответа. Чего-то недоговаривает.

Я предприняла вторую попытку:

— С каким она караваном?

— Запряжённым прекрасными лошадьми, дитя, чёрным в белых звёздах. Могу я теперь взглянуть на твою ладонь? Не раз мне доводилось держать за руку твою мать, изучать линии её судьбы и давать ей предсказания из искреннего уважения. Серебра я не прошу. Позволишь?

Спешу заверить любезного читателя, что к хиромантии отношусь с тем же недоверием, что и к традиции задувать свечи на торте в день рождения. Я выросла в просвещённой семье свободомыслящих логика и суффражистки, а потому презирала суеверия и считала предсказания судьбы пустым развлечением.

В то же время я не видела смысла отказывать цыганке, тем более что из разговора с ней могла узнать ещё что-нибудь о маме.

Так мы стояли на людной улице, не обращая внимания на лошадей, прохожих

и экипажи, и она удивительно бережно держала мои руки в своих сухих грубых пальцах. Цыганка взглянула на тыльную сторону, а затем на ладони, с необычной приязнью, хоть и без улыбки, сжав мою левую руку.

— Как будто смотрю на руки твоей матери, — сказала она. — Только линии длиннее, глубже, и линия сердца не рваная. — Она кивнула на левую ладонь: — Эта отвечает за прошлое и семью. Правая показывает истинную сущность, судьбу и свершения.

— Даже у левшей? — Я, подобно своим родителям, всё ставила под сомнение. К тому же мне вспомнилась леди Сесилия, жертва общественных ожиданий, жестоко переученная левша.

Цыганка поморщилась:

— Такого вопроса стоило ожидать от дочери Цветочной Марии. Ты левша?

— Нет.

— Тогда зачем спрашивать? Тише, дитя, дай посмотреть...

Она пристально изучала мою правую ладонь, и мне начало казаться, будто время замедлило свой бег и шум на площади стал постепенно сходить на нет. Цыганка легонько проводила пальцем по линиям на руке, и её касания отдавались вибрациями, пробирающими душу. Я замерла — не только по собственной воле, но и потому, что эти вибрации привели меня в некое гипнотическое состояние.

Цыганка произнесла ровным, завораживающим тоном гипнотизёра:

— Твоя линия судьбы начинается звездой на холме Сатурна и уверенно входит в линию жизни. Обручальное кольцо на левой руке лживо. На самом деле ты одинока с самого детства и всегда будешь одна, если не попытаешься изменить свою судьбу.

Правдивость её слов легла камнем на мою душу, но я лишь кивнула и спросила:

— Что ещё?

— Линия сердца длинная и чёткая. В твоём сердце много любви, но излить её не на кого. Вместо этого ты одариваешь любовью всё человечество. Стараешься помогать, служить, творить добро — любым способом.

Она говорила сухо, как бы излагая факты, и потому я не покраснела от смущения и только снова кивнула.

— Рука худая, чувствительная, творческой натуры, а линия Солнца показывает, что у тебя острый ум и хорошая интуиция. Она начинается со звезды на холме Аполлона. Одна звезда — уже редкость. Две звезды я ещё ни разу не встречала, даже на ладони твоей матери.

В голове горела единственная мысль:

— Где она?

— Этого не сказать по твоей руке.

— Но вы же знаете?

— Я могу говорить лишь за Марию Магдалину, Марию из Вифании и Чёрную деву Марию. Твоя мать там, где ей предназначено быть судьбой. Не следуй за ней, Энола. Следуй за своими звёздами. Это всё, что я могу тебе сказать. А теперь мне пора.

Ещё с полминуты я стояла будто статуя, с вытянутой рукой, а потом словно пробудилась от сна, удивлённо моргнула и огляделась. Я не называла своего имени. Откуда цыганка его знает?

И где она?

Я окинула взглядом Дорсет-сквер всё с тем же мороженщиком (хотя теперь мне было не до мороженого), девчонками, качающимися на фонарном столбе, и так далее, но высокой старой цыганки не увидела. Куда она пропала? Её исчезновение казалось поистине волшебным.

«Глупости», — сказала я себе. Она могла скрыться в общественной туалетной комнате — на Дорсет-сквер стоял один из этих памятников гигиене с железными столбами, греческими колоннами и часовой башней — или в метро. Или даже сесть в кеб, ведь рядом со входом в подземку располагалась стоянка наёмных экипажей. Правда, последнее было наименее вероятно. В тёплую летнюю погоду все ездили в открытых двухколёсных и старомодных четырёхколёсных экипажах, а в них никак не спрячешься.

Тут я вспомнила, что мне самой следовало бы спрятаться — ведь моё платье испачкалось в грязном тоннеле, а чувства и мысли спутались и перемешались. Я поспешила обратно в метро, села на первый же поезд и окольным путём добралась до Женского клуба, где надеялась отдохнуть и обо всём поразмыслить.

Глава восьмая

Моя комната в этой святыне, расположенная вместе с другими — многочисленными — на третьем этаже, была обставлена по-спартански. Всё-таки Женский клуб — убежище интеллектуалок, ратующих за более удобную одежду и другие свободы. Вряд ли их волнует, есть ли на столе кружевная скатерть, а на кровати — покрывало с подзором¹. Зато кормили здесь, как

¹ Покрывало с кружевной оборкой, закрывающей ножки кровати и пространство между полом и днищем кровати.

я уже упоминала, великолепно. Я заказала в комнату блюдо сэндвичей и после ванны уселась обедать хлебом с тунцом, огурцами и кресс-салатом, надеясь усладить тело и душу. Я напостила себе, что не в первый раз встретила человека, знакомого с моей матерью. В моё первое посещение этого клуба я слышала, как маму обсуждает компания незнакомых мне леди. Не знаю, почему именно встреча с цыганкой оставила меня в растрёпанных чувствах. Как обычно в такие минуты, я взялась за бумагу и карандаш.

Я поспешно рисовала набросок за наброском. От кошачьего, цепкого взгляда цыганки с портрета меня пробрала дрожь. Ворона я нарисовала в полёте, а не у себя на плече; в древние времена прорицатели носили с собой говорящих воронов, и эти чёрные птицы слетались на поля битв в надежде утолить голод

мертвечиной. Я изобразила помоечника из тоннеля метро, преувеличив нос, похожий на землянику, и уши, напоминающие цветную капусту, чтобы отомстить ему за то, что он меня напугал. Я снова взялась за цыганку, но в этот раз из неё получилась мама — что странно, потому что обычно мне не удавалось вызвать в памяти её черты, — и от этого наброска болезненно сжалось сердце. Я перевернула листок и нарисовала хрупкую, очаровательную леди, стройную, со светлыми волосами и нежнейшими глазами. Мне стало чуть легче, и я нарисовала её снова, с другого угла — и только тогда осознала, что это Бланшфлёр, герцогиня дель Кампо.

О, а я ещё собиралась перейти к наброскам лошадок! И сидела тут, лакомясь сэндвичами с тунцом, вместо того чтобы искать несчастную леди!

Отбросив посторонние мысли вместе со своими рисунками, я взяла чистый лист бумаги и записала свои рассуждения.

Она пропала либо по собственной воле, либо из-за несчастного случая, либо её похитили.

Если по собственной воле — как она спряталась от Фрейлин?

Ушла по рельсам? Маловероятно, но проверить необходимо.

Узнать больше о жизни леди Бланш-флёр — несчастна ли она?

Письмо к матери пропитано тревогами.

Несчастный случай или похищение?

Несчастный случай: упала в открытую решётку канализации, сломала ногу и не может вылезти, и никто не слышит криков о помощи?

Слишком мелодраматично.

Похищение: её уволокли силой? Ради мести? Кто её враг?

Опять же — надо узнать о ней больше.

Возможно, Фрейлины выдумали всю эту историю с метро?

Однако их горе казалось искренним, и в последнее своё предположение я не верила. Впрочем, и другие выглядели сомнительно.

В таких случаях всегда полезно сделать перерыв на час-другой, чтобы мозг отдохнул и сам предложил решение. Чем же заняться, чтобы отвлечься от расследования?

Конечно, навестить миссис Таппер! Мы уже давно не виделись, и я не сомневалась, что моя милая глухая хозяйка — какое-то время я снимала комнату в её пансионе — будет рада меня видеть. К тому же каждый поход к ней — при-

ключение. Я немедленно поднялась со стула и начала готовиться к выходу.

Здесь следует объяснить, что теперь миссис Таппер жила в особняке Флоренс Найтингейл, всегда полном гостей. К сожалению, мой брат Шерлок об этом знал и наверняка догадывался, что я навещаю старушку, а потому, полагаю, вёл наблюдение за домом. Вполне вероятно, что чумазые ребяташки, которых я часто замечала на той улице, были одними из его помощников. Только им наверняка описали учёную даму или старую деву в тёмном твидовом наряде, с тускло-коричневыми волосами, собранными в пучок, и очками на громадном носу.

Вот почему, заботясь о своей безопасности, я ходила к миссис Таппер исключительно в образе изящной очаровательной леди.

Избавлю любезного читателя от перечисления всех мазей и ухищрений,

требуемых для преображения, — замечу лишь, что на висок я наклеила родинку, с намерением отвлечь внимание от моего лица, а точнее — от его острых черт, которые, в свою очередь, сглаживал пышный, роскошный (и довольно дорогой) парик цвета розового дерева.

Всё же не обойдусь без описания своего наряда для визитов: неземного чуда из лазурного свисса¹ в горошек с рюшами над тёмно-синей юбкой, широким белым атласным поясом, голубым лифом с белой каймой, милой синей шляпкой в маргаритках и лентах и сине-белого зонтика в горошек с оборками, а ещё бежевых перчаток и гамашей на сапожки. Без лишней скромности замечу, что выглядела я в нём изумительно.

На Мейфэр я отправилась в открытом экипаже — исключительно для того, что-

¹ Свисс — хлопчатобумажный муслин в мелкий горошек или цветочек.

бы насладиться восхищёнными взглядами, обращёнными в мою сторону, — абсолютно не подозревая о грозящей мне опасности.

Сойдя у чудесного кирпичного дома Флоренс Найтингейл, я повернулась заплатить кебмену...

И вдруг до меня донёсся пронзительный, почти человеческий крик счастья. Не успела я оглянуться, как ко мне метнулась пушистая молния и чуть не сбила с ног! Когда я увидела, кто это, время любопытным образом повернулось вспять, словно вылетающий из гармоники воздух, и я почувствовала себя совсем ребёнком и, не задумываясь, обняла любимого пса.

— Реджинальд! — Не заботясь ни о платье, ни о правилах приличия, ни о зеваках, я опустилась на тротуар и обхватила моего милого колли обеими руками, одновременно смеясь и плача, а он

вилял хвостом, лизал мне лицо и радостно лаял.

Блаженство. Короткие мгновения недолговечного блаженства. Их прервали длинные худые, но сильные руки, которые прицепили к ошейнику Реджинальда поводок. Я посмотрела на ничего не выражающее лицо своего брата Шерлока.

Однако я не готова была расстаться с пьянящим ощущением счастья. Всё ещё смеясь, я протянула ему руку и позволила помочь мне встать.

— Мистер Шерлок Холмс! — сладко проворковала я на октаву выше обычного. — О, скорее бы рассказать милой тётушке, что я встретила знаменитого Шерлока Холмса!

Сдержанность уступила место изумлению. Честное слово, он даже разинул рот!

— Так это была ты — тогда, у Ватсона?

— Да, изучала таинственные букеты. — Я погладила Реджинальда и смахнула с платья собачьи волосы. — Признайся, ты бы ни за что меня не узнал, если бы не наш мохнатый друг.

— Ты совершенно права. Право слово, я поражён. Надеюсь, обручальное кольцо, которое я нащупал под перчаткой, лишь часть маскировки?

— Так и есть.

— И ты не замужем и, смею надеяться, ещё невинна?

— Дорогой брат! — возмутилась я.

— Прошу прощения. Разумеется, вопрос нетактичный, но я в такой растерянности... даже я, хоть и не ценитель женской красоты, вижу, что ты очаровательна.

К щекам прилила кровь, и я потеряла дар речи. В то же время я старалась не слишком сиять от гордости.

— Похоже, в пансионе нет необходимости. — Полагаю, он заметил, как я изменилась в лице, поскольку тут же добавил: — Уверяю тебя, милая сестра, что больше не намерен настаивать на твоём обучении в пансионе. Мисс Флоренс Найтингейл объяснила мне, чем, э-э, опасны подобные заведения.

— Как любезно с её стороны! Удалось ли ей просветить и Майкрофта?

Ведь именно наш старший и удивительно упрямый брат законно считался моим покровителем.

Шерлок отвёл взгляд, тем самым подтвердив мои подозрения: опасность ещё не миновала. Мне следовало сбежать. При первой же возможности.

От этой мысли у меня сжалось сердце — я искренне наслаждалась компанией своего умного брата.

— То, почему я пошёл на такие меры и решился отыскать тебя столь вопию-

Нэнси Спрингер

ще элементарным методом, о котором, конечно, должен был подумать ещё год назад, никак не связано с Майкрофтом.

— Что же случилось?

— Нечто крайне странное. С нами прелюбопытным способом связалась наша мать.

Глава девятая

МАМА!

— Так она жива?! — воскликнула я, невольно признавая вслух свой потаённый страх: ведь мама не писала мне уже много месяцев, и я боялась, что её больше нет с нами... Грубо говоря, её никогда с нами и не было. Что там сказала цыганка про стрелу, запущенную в небо, и сову в лунной ночи? И про караван с прекрасными лошадьми, чёрный в белых звездах? Разве не могло это быть туманным намёком на то, что мама отошла в мир иной, попрощалась с земной жизнью, поднялась

к небесам?.. Я терпеть не могу эвфемизмы, но сама ищу в них утешения...

Шерлок посмотрел на меня скептически:

— Дорогая сестра, ты сочла её умершей лишь потому, что она не связывалась с тобой несколько месяцев? Мне она не писала много лет, но я никогда не сомневался, что наша матушка в добром здравии.

— Да, ведь ты знал, что Майкрофт отправляет ей деньги, — колко ответила я, пытаясь скрыть тревожное чувство, возникшее вместе с неожиданной мыслью: всего несколько часов назад мне встретила цыганка... Но говорить об этом с Шерлоком нет смысла. Здесь дедуктивный метод не поможет. Вместо этого я спросила: — Так что за прелюбопытный метод? Что в нём любопытного?

— Я покажу тебе её «письмо», а ты сама сделаешь выводы. — Шерлок раз-

вернулся, как бы ожидая, что я пойду за ним.

— Хотя бы скажи, что там написано! — взмолилась я.

— Не знаю. Я его ещё не открывал. Оно адресовано тебе.

Мне хотелось кричать от нетерпения:

— Так ты надеешься заманить меня в ловушку?!

— Энола! — воскликнул Шерлок, оглянувшись через плечо, и я успела заметить, что на его лице появилось оскорблённое выражение, но он быстро взял себя в руки и сухо добавил: — Нет, я бы не посмел. Но нам лучше поговорить сидя. — Он кивнул на дом Флоренс Найтингейл, двери в который даже не закрывались, словно это было общественное учреждение, а не жилое здание, и все посетители — реформаторы, чиновники и другие — свободно входили и выходили, в то время как сама сестра мило-

сердия скрывалась в своих комнатах на верхнем этаже. — Ведь на это твоего доверия ко мне хватит?

Как это ни прискорбно, моего доверия хватило бы и на большее.

Итак, мы вошли в кирпичный особняк на Саут-стрит, никому не представившись, не подав визиток, никем не замеченные; я не сомневалась, что это единственный богатый дом в Лондоне, в который спокойно, без препятствий могут войти высокий господин в цилиндре с лохматым псом и саквояжем и худосочная девушка в шляпке набекрень и модном платье, испачканном отпечатками собачьих лап. На первом этаже собралась целая толпа — похоже, здесь устроили какое-то собрание, и я заметила много людей в красной форме Армии спасения. Поэтому мы трое (считая Реджинальда) поднялись выше, в музыкальную комнату, где обычно проводила дни

миссис Таппер, наслаждаясь сладкими звуками пианино — даже бедная глуховатая старушка слышала мелодию, если садилась совсем рядом с инструментом.

— Мисс Месхол! — вскричала она, как только я вошла. Для неё я всегда оставалась «мисс Месхол», её бывшей постоялицей и недавней спасительницей, какую бы маску я ни надевала: ведь она видела их все и сразу узнавала меня — неважно, походила я на выдуманную мною «мисс Месхол» или нет. Она тяжело поднялась с кресла-качалки и обняла меня за талию, а я прижалась щекой к её накрахмаленному белому чепцу — миссис Таппер едва доставала мне до плеч.

Шерлок принёс ещё два кресла, и мы уселись. От миссис Таппер не требовалось поддерживать светскую беседу. Тем более что она тут же устремила всё своё внимание на Реджинальда, лаская его трясущимися руками и приговаривая:

— Ну ты 'акой хороший, настоящий старый колли, прям как на фермах держат, таким вот колли и должен быть, не с длинным носом, как ихолка, и паучьими лапами, какие по Хайд-парку хуляют...

Тем временем Шерлок положил свой саквояж себе на колени и, достав из него большой плоский конверт из коричневой бумаги, передал его мне:

— Некто неизвестный оставил его у двери кухни в Фернделл-холле посреди ночи.

Я взглянула на угольные изображения звёзд, глаз, сов, стрел, змей, лун и солнц и уверенно заявила:

— Его подложила цыганка. — Ведь я совсем недавно видела точно такие же рисунки на амулетах старой цыганки, и до этого они мне встречались — ими расписывали свои красочные кибитки эти свободолюбивые кочевники.

— Цыганка? Почему ты так решила?

— Ну как же, ведь мама путешествует вместе с ними ещё с тех пор... — Я увидела его ошеломлённое лицо и добавила: — А, прости. Я забыла, что ты не знаешь.

— Откуда же ты это знаешь?!

— Сначала сама догадалась, а потом уточнила через объявление в газете, и мама подтвердила мою догадку.

— Ты о том проклятом шифре, где какая-то бессмыслица про «первую букву доброты»?

— Это цинния, — объяснила я. — Первая буква — «ц». Ландыш символизирует чистоту, пятая буква — «ы», а маргаритка — невинность, четвёртая буква — «г». И так далее.

Он озадаченно покачал головой.

— Зачем нашей матери жить с этими грязными ворами?

— Ради свободы.

— Но это же жалкие попрошайки!..

— Яркие караваны, красивые лошади, ночи под звёздами, никаких границ, волшебная музыка древнейших кочевников мира — и нет необходимости наряжаться к ужину!

— К ужину из тушёной крольчатины, — с отвращением проговорил Шерлок, всё ещё качая головой, не в силах поверить в услышанное, — в жестяном ковше, на дымном костре, в копоты...

Я не стала слушать, что он бормочет, и принялась изучать узоры на коричневой бумаге, но не хризантему с лианой, от которых у меня защемило сердце, а тёмные жуткие символы, особенно четыре «дурных глаза», как их обычно называют, в уголках. Только мне они казались не пугающими, а испуганными.

— Цыгане очень суеверны, — сообщила я Шерлоку самым спокойным, будничным тоном, будто всего несколько

часов назад мне самой не читала судьбу по руке желтоглазая цыганка. Я всё ещё не определилась, как относиться к её предсказаниям. — Эти символы обычно наносят на талисманы — но зачем они на конверте?

— Возможно, что-то прояснится, если ты его откроешь, — проворчал Шерлок.

— Эт што? — воскликнула миссис Таппер, только что заметив конверт.

— Сейчас посмотрим, — сказала я и подцепила край пальцем, но бумага оказалась плотной. — Пожалуй, придётся его разрезать.

Глава десятая

ШЕРЛОК ПРИНЯЛСЯ ИСКАТЬ У СЕБЯ в карманах складной нож, но я уже вытащила из корсета свой верный кинжал.

— Ах, ну конечно. И как я мог забыть! — растерянно произнёс Шерлок.

Я молча надрезала конверт и взяла его за края — так, что он раскрылся будто голодный рот. Внутри не обнаружилось ничего, кроме обрезков упаковочной бумаги, и я высыпала их себе на колени.

— Хосподи, што ж это такое? — удивилась миссис Таппер.

— Энола, не будешь ли ты так любез-

на убрать свой Эскалибур¹ в ножны? — тихо попросил Шерлок.

Я послушалась, даже не улыбнувшись его шутке, — так меня занимала загадочная кучка белой бумаги. Полоска — или полоски — шириной в дюйм были покрыты синими чернильными буквами, начертанными маминым размашистым почерком. Я сразу поняла, что это, но Шерлок первым сказал:

— Скитала!

Да, к моему искреннему удивлению, оказалось, что это слово, взятое из древнегреческого, пишется и произносится именно так. В детстве я думала, что надо писать «сцитала», потому что так произносила его мама. Мы с ней часто играли в «сциталу», когда я была совсем маленькая и ещё только училась писать. Было довольно весело. Для скиталы надо нарезать

¹ Меч короля Артура из британских легенд.

лист бумаги на ровные полоски, склеить концы, намотать их на любой цилиндрический предмет, написать послание по длине цилиндра и размотать бумагу.

Сообщение из перемешанных букв на длинной полоске не прочесть, пока не подберёшь цилиндр нужного размера. Искала обычно мама, а я наматывала свои письма на ручку метлы, скалку, ножку кровати, фонарный столб — выбор в Фернделл-холле был большой, но всё-таки ограниченный.

А в Лондоне? Практически безграничный.

И я не смогу прочесть мамино послание, пока не отыщу подходящий цилиндр. От отчаяния на глаза набежали слёзы, и я закусила губу, чтобы не заплакать. Именно об этом я мечтала с тех самых пор, как мама ушла: письма, объяснения, выражения привязанности или — смею ли надеяться? — любви...

— Я немедленно свяжусь с Лэйном, — решительно заявил Шерлок. — Пусть узнает, останавливались ли поблизости от Фернделл-холла цыгане в ту ночь, когда подложили конверт, и если да, я сам отправлюсь вдогонку...

— Что за глупости! — с неожиданной даже для меня горячностью вскричала я. Мама прислала это письмо мне, и найду её я. Я, а не Шерлок. — Наша матушка всегда умела о себе позаботиться. Не лучше ли бросить свои силы на поиски герцогини дель Кампо? — ядовито добавила я.

Он уже поднимался, но упоминание этого имени заставило его снова рухнуть в кресло. Несколько напряжённых мгновений Шерлок смотрел на меня, а затем сказал:

— Только не говори, что это ты прошла мимо меня в прихожей герцога дель Кампо этим утром, когда я отвлёкся на странное поведение одной из его кошек...

— Хорошо, не буду, — ответила я сладким голосом. — Скажу лишь, что герцогиня Бланшфлёр нуждается в помощи — вряд ли она сбежала таким сомнительным способом. — Я решила воспользоваться этой возможностью, чтобы узнать о ней больше. — Ты обращался к её родителям? Спрашивал, не было ли разногласий с мужем?

— Разумеется. Граф Чипли-на-Уай и его супруга — благородные люди, вне всяких сомнений, и им не на что пожаловаться. Выгодный брак дочери они, естественно, одобряют. Её не выдали замуж насильно или по договорённости. Герцог завоевал сердце невесты старомодными ухаживаниями. Он любящий муж, и юной Бланшфлёр, безусловно, очень повезло.

Его беспечный тон заставил меня резко выпрямить спину и нахмуриться. Я вспомнила о письме матери, о печалях

и тревогах несчастной леди. Правда, там не было ни намёка на побег. Да и не выбрала бы она в самом деле столь неудобный, небезопасный путь!

подавив раздражение, я спокойно обратилась к брату:

— Разумно предположить, что герцогиня исчезла со станции метро на Бейкер-стрит не по доброй воле. А уйти оттуда незамеченной можно только по рельсам, в ту или другую сторону.

— Если её фрейлины не лгут.

— Уверена, что нет. Ты не видел, какие у них красные и опухшие от слёз глаза!

— А ты видела?

Я промолчала.

— Предлагаешь обыскать пути? Полицейские это уже сделали.

— И не нашли никаких тоннелей, которыми пользуются помоечники и бродяги? Например, от старых высохших рек?

— Исследовать каждую лазейку невозможно, ведь их там огромное множество. Если нашу леди увели по одному из тайных подземных ходов, мы ничего не можем предпринять, пока не получим требование о выкупе.

— Чушь! Можно отыскать старуху, которая заманила её в метро. — Беззубую жабу с щетинистым подбородком и в старомодном капоре... Почему это описание казалось мне знакомым? Перед глазами мелькнула картинка, словно проекция волшебного фонаря, и я продолжила: — Сомневаюсь, что герцогиню Бланшфлёр похитили ради выкупа. Иначе записку с условиями уже давно бы получили. Могли быть и другие причины. К примеру, вполне вероятно, что та старуха — сутенёрша...

Шерлок побледнел от ужаса, услышав, как легко с моих уст слетело это слово:

— Энола!

Честно говоря, я смутно представляла, чем занимаются сутенёрши и зачем им красть благородную леди, но мне хотелось перебрать все варианты.

— Или их интересовало только её дорогое платье, — добавила я.

Здесь надо объяснить, что в Ист-Энде процветала торговля краденой одеждой, и были известны случаи, когда детей аристократов похищали, пока те переходили улицу, чтобы поиграть с соседскими детьми, а позже их находили ревущими и по большей части голыми в каком-нибудь совершенно другом районе. Именно поэтому детей обычно не выпускали на улицу без сопровождения няньки или служанки.

— Платье?! Герцогиня же не ребёнок!

«Да, но во многих отношениях похожа на него», — подумала я. Однако Шерлока моё предположение сильно рассмешило:

— Слишком натянуто! И в любом случае она бы уже вернулась домой, если бы преступников интересовала только её одежда!

Я ничего не ответила. Признаюсь, слова брата пролетели у меня мимо ушей — ведь именно в тот момент я вспомнила, где видела старуху в жутком капоре и со щетиной на подбородке. Мне пришлось провести с ней довольно много времени в те страшные дни... Я молча сгребла бумажки с шифром, вскочила с кресла, обняла миссис Таппер, погладила Реджинальда по голове и, не позаботившись даже забрать перчатки и зонтик, помчалась к лестнице.

— Энола! — пронзительно прокричал Шерлок мне вслед.

Убрав сциталу — точнее, скиталу — в подушечку на груди, я бросила ему через плечо:

— Я напишу!

И выбежала из дома со всех ног, тем более что прямо у меня за спиной раздавались торопливые шаги брата. Оказавшись на улице, я заорала совершенно неженственным образом, и передо мной тут же остановился кеб. Я прыгнула на сиденье и постучала по крыше, чтобы он немедленно тронулся. Разумеется, экипаж был открытый, и Шерлок прекрасно видел, куда меня везут. Он стоял всего футах в двадцати от нас, тяжело дыша и с пылающим взглядом. Я не сомневалась, что он бросится за мной вдогонку. Мне нужно было укрытие — но в то же время следовало срочно попасть в Ист-Энд. Я отчаянно нуждалась в такой искусной маскировке, по сравнению с которой все предыдущие показались бы детской игрой.

Глава одиннадцатая

— Куда, миледи? — крикнул мой кебмен через раздвижную панель на крыше. Видите ли, тот вид открытого экипажа, в который я села, называется «хэнсомовский», или, точнее, «кеб Хэнсома» — по имени его создателя, Джозефа Хэнсома, и особенность сей повозки заключается в том, что кучер сидит наверху, за салоном, и пассажир может наслаждаться видом окружающих зданий и улиц, а не спины извозчика. Именно поэтому в хорошую погоду все предпочитали ездить в открытых хэнсомов-

ских экипажах. Поводья тянулись над салоном через специальные кольца на крыше, а раздвижной панелью, которая защищала ноги кебмена и через которую он принимал плату за поездку и разговаривал с пассажирами, кучер управлял с помощью рычага. Я никогда не видела, чтобы кебмен спускался или поднимался...

О! О, чтоб меня черти съели!

Как и все мои смелые — или безумные — идеи, эта пришла внезапно, и я тут же ответила:

— В вашу конюшню.

— Простите? — нервно переспросил он.

— Туда, где вы ставите лошадь и повозку, — уточнила я и через окошко в крыше протянула ему фунт. — Не бойтесь, я щедро вам заплачу.

Только к тому времени, как мы подъехали к уже знакомой мне конюшне на

Серпентин-роуд, я осознала, какие меня могут ждать препятствия. Если мой ку-чер работает на крупную компанию, возможно, ничего и не выйдет или придётся подкупить ещё кучу народа. Мысли безнадёжно спутались. Я буквально физически ощутила вес невидимого ворона на плече — того, о котором говорила цыганка. Я снова рассердила Шерлока, а мамино письмо, спрятанное на груди, будто прожигало мне сердце — но всё это следовало отложить на задний план и сосредоточиться на поисках герцогини дель Кампо.

Признаться, я радовалась, что у меня есть уважительная причина не думать о семейных делах, хотя мне было за это немножко стыдно. Получив от Шерлока конверт, я загорелась желанием скорее прочитать мамино послание, но теперь остыла. Мне хотелось отложить письмо на потом, чтобы хоть ненадолго сохра-

нить надежду на слова любви и привязанности. В глубине души я понимала, что это мой последний шанс и разочарование разобьёт мне сердце. А потому трусливо откладывала момент истины.

Тем временем мы проехали мимо конюшни на Серпентин-роуд, несколько раз завернули за угол и остановились в маленьком стойле за скромным домишкой.

Я вылезла из салона и сразу перешла к делу:

— Прекрасно. Значит, вы работаете на себя?

— Эт верно.

То есть никто не вмешается. Замечательно.

Кучер всё ещё сидел наверху.

— Спускайтесь, друг мой, — сказала я и без лишних предисловий бросила на тюк соломы шляпку и парик. Кебмен ах-

нул, но меня это не смутило. — Сколько вы зарабатываете за день?

Какое-то время он растерянно шлёпал губами, уже спустившись ко мне, а затем пробормотал:

— Фунта три в лучшем слушae.

— Я заплачу вам десять, если одолжите мне на сегодня свою лошадь, кеб, шляпу и верхнюю одежду.

Я поклялась себе, что никогда не переоденусь мужчиной — но ведь не собиралась же я надевать штаны, верно? Кучера со всех сторон закрывали дверцы, и нижнюю часть моего туловища всё равно никто бы не увидел.

— Прошу, — сказала я, вкладывая бумажку в десять фунтов в руку ошеломлённому кебмену.

Разумеется, всё оказалось не так просто. Пришлось долго его уговаривать: денег он больше не просил, хотя я бы

с радостью дала ещё, но переживал, что кеб мне нужен для неких гнусных целей. Я сердечно его заверила, что не имею злых намерений и не собираюсь нарушать закон, что буду осторожна и верну лошадь вместе с экипажем до наступления ночи.

Мне в самом деле хотелось всего лишь чувствовать себя в безопасности, знать, что Шерлок Холмс не найдёт меня даже с помощью нашего колли Реджинальда, пока я еду на восток Лондона в поисках старухи с жабым лицом и щетинистым подбородком, заманившей герцогиню дель Кампо в метро.

Потому что я не сомневалась, что это миссис Калхейн из лавки поношенной одежды Калхейна.

Так сложилось, что мы с этой любопытной особой познакомились во время первого моего приключения, в по-

езде, который привёз меня в Лондон. Тогда на ней был уродливый, похожий на гриб капор, и хотя в Лондоне наверняка сотни или даже тысячи жутких старух в похожих старомодных капорах, далеко не все из них продают поношенную одежду! Более того, я знала миссис Калхейн как человека жестокого и отчаянного, и интуиция мне подсказывала, что это именно она заманила герцогиню дель Кампо в ловушку. Хотя она вряд ли справилась бы в одиночку и, учитывая, с кем она якшалась, в метро на Бейкер-стрит её, скорее всего, ждали двое или трое подельников. Правда, я пока не решила, с какой стороны подойти к миссис Калхейн, но кебмену с уверенностью заявила, что беру экипаж на благородные цели.

Он закатил глаза, но всё же сдался.

— Дурак я, конечно, што сохлашаюсь, ну да што ж, если тока вот для эн-

того, и всё. Ты пока положи в кеб бумажку с моим именем и адресом, чтоб он ко мне вернулся, если вдрух што.

Я без колебаний достала бумагу и карандаш и приготовилась записывать.

— А вас как звать, миссис?

Как хорошо, что он мне об этом напомнил! Я сняла обручальное кольцо и бросила в парик. А на вопрос доброго кебмена смущённо ответила:

— О боже, у меня так много имён, что даже не знаю, какое назвать!

Как ни странно, этот честный, но необычный ответ полностью его удовлетворил. Он пожал плечами с лёгкой полуулыбкой и мирно дождался, пока я замажу лицо, уберу под шляпу-котелок закреплённые на макушке волосы и скрою лиф платья — к счастью, с не слишком высоким воротником — под его курткой. Хотя я не нуждалась в помощи, всё же с благодарностью приняла

Нэнси Спрингер

её, и кучер по-джентльменски помог мне взобраться на козлы и затворить дверцы, чтобы спрятать мою юбку. Он протянул мне плетъ и поводья, вывел лошадь из стойла, пожелал удачи и отправил на улицы Лондона.

Глава двенадцатая

ПОСКОЛЬКУ Я СЛАБО СЕБЕ ПРЕДСТАВЛЯЛА, как управлять лошадью, на месте кучера хэнсомовского экипажа мне было немного не по себе. Высоты я не боялась и ловко лазала по деревьям, но они-то не двигались! А здесь меня окружали ещё и другие огромные средства передвижения, причём все, какие только можно вообразить: экипажи и телеги, кебы и кареты, одни лёгкие и быстрые, другие тяжёлые и медлительные, одни ехали вперёд, другие назад, и так близко, чуть ли не соприкасаясь колёсами — а иногда

всё же сталкиваясь, за чем обычно следовала громкая ругань, а то и драка.

К счастью, мне удалось этого избежать. Мой конь с очень подходящим именем Каштан, учитывая его гнедую масть, знал своё дело и спокойно шагал по дороге, огибая все экипажи.

— Кеб! — визгливо закричали две дамы с пышными формами в роскошных нарядах, драгоценностях и великолепных капорах. Настолько разряженных модниц не часто встретишь на улицах Лондона.

Как бы меня ни поразило то, что я увидела знакомые лица, самообладания я не потеряла и сразу покачала головой, как будто меня уже где-то ждал пассажир, а затем спокойно поехала дальше. Правда, спустя несколько секунд пожалела, что не облила их водой из лужи. Ведь это были вздорные тётки леди Сесилии, которые сговорились с её отцом и за-

перли несчастную в четырёх стенах, где морили голодом, чтобы она согласилась на брак без любви! К счастью, теперь Сесилия жила со своей любящей матерью в полной безопасности. Возможно, в будущем нам ещё уготована встреча. Эта мысль подняла мне настроение, и я широко улыбнулась, хотя ещё не знала, чем закончится моя сегодняшняя авантюра.

Я собиралась зайти в лавку миссис Калхейн и оглядеться, но если бы она меня узнала, это повлекло бы за собой ужасные, возможно даже смертельно опасные, последствия.

Однако я старалась не беспокоиться и надеялась, что на месте разберусь, как лучше поступить. Когда я покинула центр города и въехала в более бедный район, на обочинах узких улочек появились торговцы с тележками и корзинками, от которых исходил заманчивый аромат. Я остановила кеб и взяла мясной

пирог за два пенса, показав на него плетью. Пекарь завернул его в коричневую бумагу и бросил мне. Повсюду сновали рабочие, нищие, продавщицы и прачки. Один попрошайка развлекал толпу ручной черепахой, которая за лакомство вставала на задние лапки и тянулась вверх, пока не падала на панцирь, после чего принималась раскачиваться из стороны в сторону, словно деревянная лошадка, ко всеобщему восторгу.

Я наблюдала за этой сценой с высоты своего сиденья и жевала мясной пирог. Меня выступление черепахи рассмешило не меньше остальных зевак. Я покачала головой и бросила попрошайке пенни. Кого только не встретишь в Ист-Энде — и торговцев имбирными кексами, и танцующих медведей, и продавщиц шнурков и пуговиц, и самых эксцентричных бедняков. Один нищий со спичками прямо на моих глазах уселся рядом с про-

давцом сигар, от которого шла ужасная вонь. И как мужчины могут наслаждаться курением этой гадости?! Правда, некоторые смелые, пользующиеся дурной славой женщины...

Минутку.

В основном актрисы, но встречались и...

По плечу ли мне такое?

Боже. Если я попробую...

Пожалуй, у меня всё получится, особенно если верхнюю юбку в горошек я спрячу под курткой.

Произведёт ли мой внешний вид должное впечатление на миссис Калхейн?

Почти наверняка.

Что ж, была не была!

Я приподнялась, чтобы убрать верхнюю юбку, совершенно не обращая внимания на возгласы и взгляды вдвойне ошеломлённых ист-эндцев: мало того что кебмен оказался женщиной — так

она ещё чуть ли не разделась у всех на глазах! Меня это не волновало. Никто из них больше никогда меня не увидит.

Пропустив мимо ушей крики, смех и улюлюканье, я снова уселась на сиденье и применила все свои знания кучерского дела, чтобы развернуть экипаж туда, где сидел попрошайка со спичками. Купив у него коробок, а у его соседа — сигары, я зажгла одну, но закуривать, конечно, не стала, а втиснула её между стенкой кеба и каретным фонарём, и мы с терпеливым Каштаном снова повернули на восток.

К тому времени, как мы доехали до пересечения Сент-Тукингс-лейн и Кипл-стрит, сигара сгорела почти до середины и потухла. И хорошо, потому что я не знала, как полагается курить, и учиться этому не хотела. Сигара мне требовалась исключительно для образа.

Сунув её в рот и зажав между зубами, я изобразила пренеприятную улыбку.

Остановив кеб перед лавкой миссис Калхейн, я неизбежно привлекла внимание толпы — торговков рыбой и уличных бродяжек: ведь сюда экипажи приезжали крайне редко. А когда я сошла на мостовую, их интерес ко мне возрос во сто крат. Все ахнули, увидев мою простую тёмно-синюю юбку. Такие смелые, чуть ли не по-мужски одетые женщины встречались редко и осуждались за попрание идеалов женственности, и чаще всего их можно было увидеть с бульдогом на поводке. К сожалению, бульдогом я не располагала, но, привязав лошадь к фонарному столбу, забрала плетёшь и прямо с плетёшь в руке вошла в лавку миссис Калхейн.

И увидела её, внешне неуловимо похожую на ту черепаху попрошайки, балансирующую на задних лапках, а поведением — на взбешённого ежа. Я старалась не смотреть ей в лицо, но всё же замети-

ла, как дрожит щетинистый подбородок и как нервно трясутся короткие руки. Я надеялась, что из-за потрясения она не разглядит за шляпой, сигарой и мерзкой ухмылкой знакомое лицо.

Я торопливо прошла мимо неё в дальнюю часть лавки, рассматривая вешалки, и — да! Шёлковое платье герцогини Бланшфлёр вместе с зонтиком, роскошными нижними юбками и даже ложечным корсетом, отделанным дорогой парчой, висело на самом видном месте.

Вот только что дальше? Не могу же я расспросить миссис Калхейн, ничем не рискуя, — да и всё равно из этой беззубой жабы ничего не вытянешь. Платье и зонтик лучше оставить здесь для полиции — но что взять в качестве доказательства? Платок? Мэри говорили, что их госпожа всегда носила его с собой.

Я подошла к корзинке с женскими носовыми платками, порылась там и на-

шла один, вроде бы похожий на тот, что видела в будуаре герцогини.

Да, это был он. Хотя золотые и алые нитки отпорол, всё равно остался отпечаток монограммы «ТЖ».

Герцогиня дель Кампо.

Я небрежно бросила шиллинг прямо на пол и вышла на улицу с платочком в руках.

А когда оглянулась на лавку уже с высоты кучерского сиденья, увидела, как миссис Калхейн опустилась на четвереньки, чтобы поймать укатившуюся монету. Очевидно, жадность возобладала в ней над праведным гневом.

Завернув за угол, я с радостью избавилась от сигары и вздохнула с облегчением. На меня внезапно накатила страшная усталость. Да, платок был надёжно спрятан в кармане, да, я убедилась, что герцогиню похитили ради дорогого платья, а в Ист-Энде она осталась либо из-за бо-

лезни или слабости, либо из-за того, что не знает, как вернуться домой. А может быть, её держит в плену некий неизвестный злодей?

Хорошо, но что дальше?

Гадая, с кем поделиться своей находкой в первую очередь — со Скотленд-Ярдом или с герцогом, — я вела Каштана в его родное стойло в Вест-Энде. В центре города дороги были переполнены, и коню пришлось перейти на шаг, а вскоре и вовсе остановиться. Я со вздохом убрала плетъ и достала из кармана носовой платок леди Бланшфлёр, чтобы хоть чем-нибудь себя занять.

И сейчас, взглянув на него при свете дня, а не тусклой лампы в лавке миссис Калхейн, заметила то, что до этого упустила из виду.

Никогда я не испытывала такого омерзения от улыбнувшейся мне удачи. Монограмму миссис Калхейн отпорола,

а вот постирать платок не потрудилась, и было видно, что в него сморкались.

Фрейлины упоминали об астме несчастной герцогини. Вполне вероятно, что я держала в руках носовые выделения пропавшей леди!

Звучит это кошмарно, однако, скорее всего, так оно и было.

Я поспешно убрала грязный платок в карман, и тут в голове возник внезапный вопрос: интересно, остался ли на ткани запах герцогини?

Ведь тогда (какое счастье!) не придётся исследовать жуткие подземные тоннели лондонского метро! А зачем? Признаюсь, светлая мысль пришла ко мне благодаря недавнему происшествию с Шерлоком: можно дать собаке понюхать платок её милости — и та, возможно, нападёт на след похищенной герцогини!

Глава тринадцатая

Я ШИРОКО РАСПАХНУЛА ГЛАЗА И выпрямилась. Очевидно, мой запал волшебным образом передался коню через поводья, поскольку милый Каштан вскинул голову, заржал и бросился вперёд, чудом протиснувшись между двумя каретами. Мы свернули на боковую улочку и попали в лабиринт переулков и задних дворов, из которых спустя какое-то время вынырнули на дорогу у Мерилибон-Гарденс. Каштан уже бежал рысью. Я с воодушевлением повела кеб мимо омнибуса и прямо по Бейкер-стрит...

— Кеб!

Повелительный тон повлиял на меня удивительным образом, и я остановилась, хотя разумнее было бы проехать мимо. Как глупо, как безрассудно! Я не осмелилась взглянуть на окликнувшего меня господина, но когда наклонилась потянуть за рычаг, открывающий двери кеба, уловила краем глаза высокую аистоподобную фигуру и его более низких, приземистых спутников.

Шерлок Холмс, Майкрофт Холмс и доктор Ватсон!

Они с трудом втиснулись в салон. Я открыла панель в крыше и низким голосом, подражая говору кокни, прогудела:

— Мнохо вы весите, лошадке тяжело будет, так што вам в полтора раза дороже!

— Договорились. Окли-стрит, пожалуйста, — ответил Шерлок.

Ага. Значит, они ехали к герцогу Луи Орландо дель Кампо.

— Да, сэр, — ответила я всё тем же низким голосом и прикрыла отверстие в крыше, но не до конца, потому что надеялась подслушать их разговор.

К сожалению, из-за шума улицы и стука металлических колёс моего же кеба по мостовой я ничего не слышала, кроме обрывка фразы, когда Шерлок повысил голос:

— ...эксперимент, мой дорогой Майкрофт, всего лишь эксперимент! Я думал, что старый колли поможет найти нашу отчаянную, неуловимую сестру. И мне в любом случае надо было съездить в Фернделл-холл. Вот за этим.

Судя по восклицаниям, которые последовали за его монологом, под «этим» он подразумевал коричневый конверт с угольными узорами. Очевидно, ему не

хотелось признавать, что Реджинальд всё-таки меня нашёл, а он, великий детектив, снова упустил, поэтому он отвлёк внимание собеседников конвертом, выудив его из саквояжа.

— Что, по-вашему, означают эти символы?

Ватсон промямлил что-то несвязное, а Майкрофт, повысив голос, увлечённо заговорил:

— Разве не очевидно, дорогой мой друг? У тебя широкие знания во многих областях, но в антропологии, судя по всему, ты не силён, иначе бы знал, что эти границы и круг — ограждающие от зла барьеры. Очевидно, отправителя снедала тревога — отсюда и защитные символы.

— А глаза?

— Сильно похожи на египетский глаз Хоруса или индийский третий глаз...

— Ради бога, — воскликнул Ватсон, — мы в Англии, и сейчас девятнадцатый век!

— При этом дамы до сих пор ходят в платьях с рюшами и оборками, не несущими никакой практической пользы...

— Это для красоты!

— ...потому что в древние времена одежды покрывались волшебными символами, чтобы отпугнуть злых духов! — закончил Майкрофт и обратился уже, вероятно, к Шерлоку: — Кто тебе это от правил?

К сожалению, тот ответил ему тихим голосом, и я не услышала ничего ни про Фернделл-холл, ни про маму, ни про себя, кроме восклицания Майкрофта: «Какая удивительная наглость!» Действительно! Они и не подозревали, как я на самом деле переживаю. Как нервничаю, сидя совсем рядом с ними, буквально над их

цилиндрами, пока Каштан неспешно шагает под тяжёлым грузом набитого кеба.

У набережной Виктории экипажи стали встречаться ещё чаще, и шум стоял невообразимый, а когда мы добрались до Стрэнда, мой конь вовсе начал плестить не быстрее черепахи. Я его не торопила и не пыталась продраться через плотную массу повозок, поскольку мои пассажиры не жаловались, но у вокзала Чаринг-Кросс мы вовсе остановились. Казалось, здесь собрался весь городской транспорт. Стук колёс затих, и, несмотря на недовольные крики — прямо передо мной кучера осыпали друг друга ругательствами, — я стала лучше слышать разговор, ведущийся у меня в салоне, и даже чуть дальше отодвинула панель в крыше.

— Почему не требуют выкупа?! — раздался озадаченный голос Ватсона.

А! Теперь они обсуждают пропавшую герцогиню.

— Возможных причин много, но все безрадостные, — сухо ответил Шерлок. — Например, изначально её похитили ради денег, но испугались, что герцогиня опишет их полиции, и избавились от пленницы.

— Мой дорогой Холмс! Вы же...

— К сожалению, мы пока ничего не знаем наверняка. Старуха вполне могла быть сутенёршей и участвовать в торговле аристократками для древнейшей профессии...

— Такая судьба хуже смерти! — воскликнул Майкрофт.

— Однозначно.

— Почему все ваши предположения такие мрачные?! — возмутился Ватсон. — Неужели не может быть так... — Он замялся.

— А, вы говорите о моей любопытной семейной ситуации, — беспечным тоном произнёс Шерлок. — Предполагаете, что леди сбежала по доброй воле?

Ватсон, судя по интонации, покрасневший от неловкости, пробормотал:

— Что ж, такое возможно...

— Да, но маловероятно.

— Неудивительно, если ей захотелось сбежать от столь мелодраматичного человека со взрывным характером...

— О, вы настоящий британский солдат, Ватсон! — насмешливо перебил его Шерлок. — Нашли недостатки даже в галантном, вежливом и богатом иностранце!

— Однако его жена англичанка, не так ли?

— И француженка, — вставил Майкрофт. — По матери.

— Хорошо, — настаивал бедный Ватсон, — наполовину француженка, юная, недовольная своим супругом...

— Ватсон, женщины сбегают из дома крайне редко, какие бы ни были у них обстоятельства! — нетерпеливо воскликнул Шерлок. — Мне известно только о двух печальных исключениях...

— Разумеется, я и не думал ссылаться на ваше несчастье... — виновато заговорил Ватсон, но в эту самую минуту затор на дороге расчистился, и я легонько хлестнула Каштана кончиком плети, чтобы он шагал дальше. Шум колёс снова перекрыл звуки голосов, и больше я ничего не слышала.

Наконец мы повернули на Ок-ли-стрит, и я вовремя остановилась, вспомнив, что не должна знать точного адреса в своей маскировке кебмена. В открытое окошко в крыше просунулась рука Шерлока с щедрой платой за проезд и небрежно махнула мне, показывая, что сдача не нужна. Не успела я убрать деньги в карман, как Шерлок

толкнул дверь и все трое вышли из кеба. Сама я забыла нажать на рычаг, чтобы дверь открылась.

— Что мы скажем любезному сэру?

— Сеньору, — с лёгким презрением поправил его Шерлок — всё-таки не один Ватсон страдает от предубеждений. — Предлагаю намекнуть на то, что его супруга сбежала по тоннелю метро и теперь живёт с моей сестрой.

— Бросьте, Холмс! Неужели вам нечего сказать?

— Мои глаза и уши не приносят никаких сведений. Все гипотезы заводят меня в тупик. Зря я взялся за это дело, — горько произнёс Шерлок, пока они шли к роскошному особняку в неомавританском стиле. — Очевидно, дела о пропавших людях — моя ахиллесова пята.

— Что вы! Вы уже не раз были буквально в нескольких шагах от сестры!

НЭКСИ СПРИНГЕР

«Вот как сейчас», — подумала я, разворачивая кеб. Признаюсь, уезжала я с тяжёлым сердцем. От горького, печального голоса брата мне хотелось плакать.

Однако ничего не поделаешь. Расследование ещё не окончено.

Глава четырнадцатая

ВЕРНУВ КАШТАНА В ЕГО СКРОМНОЕ стойло, а куртку и шляпу-котелок — законному владельцу, осыпав его выражениями искренней благодарности, я расправила юбку в горошек и надела парик со шляпкой. Спрятав обручальное кольцо в карман (хотя у меня было ещё много запасных и потерять его я не боялась), я вернулась в своё временное жилище, чтобы помыться и переодеться, чувствуя себя очень грязной после встречи с Реджинальдом, который испачкал моё платье, да ещё пропахшей лошадью.

Кроме того, я не могла искать герцогиню на голодный желудок, и...

И первым, что попало мне в руки, когда я расстёгивала истерзанное платье, оказался комок длинных бумажек.

Мамино письмо.

О нет.

Как бы мне ни хотелось отложить его на потом, я знала, что не смогу посмотреть Шерлоку в глаза, пока не решу загадку скиталы. А мне придётся посмотреть ему в глаза, когда я попрошу одолжить Реджинальда. Желательно уже сегодня вечером.

Стоя посреди комнаты в одних нижних юбках и дожидаясь, пока служанка принесёт горячей воды, я решила приступить к делу немедленно. Разгладив бумажки на покрывале, я задумчиво посмотрела на них. Очевидно, мама считает, что я должна располагать таким же цилиндром, каким воспользовалась она.

Что же это за предмет? Ведь она сейчас с цыганами, а я в Лондоне...

Полоски широкие, значит, это что-то довольно крупное. Не кисточка, например, хоть мама и художница.

Чем ещё она увлекалась? Дикими цветами, прогулками по полям... Трость? Нет, не думает же она, что у меня есть трость!

Ну конечно! Что, по её мнению, должно иметься у нас обеих? Надо взглянуть на это мамиными глазами.

Что само по себе непросто, ведь я никогда не могла понять маму. Однако попробовать стоило. Что мы делали вместе? Читали книги? Да, но не цилиндрические же! Собирали цветы и составляли букеты? Да, но все вазы разных форм и размеров! Плели корзины и птичьи клетки из веточек? Нет, этим мы не занимались. Мама предпочитала проводить время на свежем воздухе, а не дома. Она попро-

сила, чтобы для меня повесили качели, поощряла мою любовь к лазанию по деревьям, научила ездить на велосипеде...

Тут в дверь постучала служанка — она принесла горячую воду в большом кувшине, и мне пришлось отвлечься на банные процедуры.

Помывшись, я попробовала обернуть бумажные ленты вокруг ножки напольной лампы, настольной и даже вокруг перил лестницы. Безрезультатно. Я даже не могла понять, больше мне нужен цилиндр или меньше, и осталась в полной растерянности.

* * *

К Шерлоку я пошла после ужина, в том самом наряде, в котором он не узнал меня в маленькой гостиной миссис Ватсон — просто чтобы напомнить великому детективу о его промахе. Золотое кольцо для образа мисс Виолы Энверуа мне не

потребовалось. Только сапожки на пуговицах, скромное, но милое лимонное платье, рисовая пудра на лицо, родинка, бережно уложенный парик и цыганский капор — забавно, но так назывались плоские соломенные шляпки с цветами. Всё та же сестра Шерлока Холмса, но замаскированная под красавицу.

Довольно низко с моей стороны, но я, как и Шерлок, любила поражать и ошеломлять и наслаждалась моментами триумфа. С собой в саквояже я несла одежду, более подходящую для ночной вылазки, которая нас ожидала. По крайней мере, я очень надеялась, что брат согласится пойти со мной. Тогда я впервые буду вести расследование не одна.

Если Шерлока не будет дома, я его подожду. Однако, хотя этот долгий июльский вечер ещё освещало солнце, Шерлок наверняка отдыхает у себя после утомительного, полного разочарований дня.

Миссис Хадсон, открыв мне дверь, подтвердила, что мистер Холмс дома. Я положила на серебряный поднос свою карточку:

Мисс Виола Энверуа

Вскоре до меня донеслось изумлённое восклицание. Вероятно, миссис Ватсон назвала ему моё имя после той встречи в маленькой гостиной, и Шерлок его запомнил.

Секунду спустя мне навстречу по лестнице помчался, радостно лая, наш колли Реджинальд. К счастью, я вовремя схватила его за передние лапы.

— Это платье ты мне не испортишь, — ласково произнесла я, — по крайней мере, пока Шерлок его не увидит.

— Уже увидел, — ответил мне брат с верхней ступеньки и, словно о моём миловидном образе больше сказать было

нечего, сменил тему: — Ты прочла письмо матери?

Я поднялась к нему по лестнице, стараясь слишком широко не улыбаться, и, когда оказалась с ним лицом к лицу, ответила:

— Я пыталась, но пока не удалось. Впрочем, сейчас это неважно. Нас ждут более срочные дела.

— Что может быть...

— Я выяснила, что случилось с герцогиней дель Кампо, и догадываюсь, где мы можем её найти.

Шерлок вскинул брови, и я решила, что его удивила эта новость, но затем он спросил:

— Мы?

— Мы с Реджинальдом, но ты, конечно, можешь пойти с нами, если хочешь.

Шерлок тяжело вздохнул:

— Пожалуй, я воздержусь. Признаюсь, хотя ход мыслей преступников мне

в целом понятен, твой остаётся для меня загадкой. Ты не побоялась прийти ко мне сейчас, но вчера совершенно неожиданно сбежала — почему?

— Разве не очевидно? Меня ждали срочные дела, которые нельзя было отложить.

— Разумеется. — Он посмотрел на меня, как на научный экземпляр из лаборатории, и добавил: — Я полностью изменил своё мнение касательно твоего будущего, Энола. Мне заранее жаль того, кто возьмёт тебя в жёны. Возможно, тебе и правда лучше не выходить замуж.

Таких слов я не ожидала, но они ни капли меня не задели, поскольку, в общем-то, Шерлок был прав.

— Проходи, пожалуйста! — нетерпеливо продолжил он, впуская меня в гостиную и убирая газеты, чтобы освободить мне место.

— Честно говоря, я хотела бы поступить в университет, — призналась я, разглаживая юбку. Реджинальд улёгся у моих ног. — Изучать эпоху Возрождения, немецкую классику, логику, дискуссию...

Шерлок поморщился, будто у него начинала болеть голова, и перебил меня:

— Ты говорила, что нашла на след герцогини дель Кампо.

— Верно. Я отправилась на поиски старухи, которая заманила её в метро. В Лондоне наверняка много старух в уродливых капорах и с щетинистыми подбородками, но я знаю одну особенно неприятную личность и сосредоточила внимание именно на ней.

Я вкратце пересказала брату обстоятельства моего визита в лавку миссис Калхейн, не уточнив, каким путём туда добралась, и сообщила о найденном там платье, зонтике и нижних юбках.

— Ты уверена, что это платье герцогини?

Только мужчина способен задать такой глупый вопрос! Или правильнее сказать — джентльмен, ведь в высшем свете все мужчины одеваются практически одинаково. Даже сейчас, в уюте своей квартиры, мой брат сидел в городском костюме с угольным жилетом, чёрным фраком и безупречно накрахмаленными белыми рукавами и воротником, напоминая пингвина. Возможно, привыкшим к однообразию джентльменам было сложно отличить один чёрный костюм от другого.

Поэтому ответила я мягко, терпеливо:

— Дорогой брат, я так же хорошо различаю платья, как ты — пепел сигар. Я абсолютно уверена, что это оно.

— А ты не могла захватить что-нибудь в качестве доказательства?

— Могла и захватила. — Я извлекла из подушечки на груди тонкий льняной платок с венецианским кружевом и протянула Шерлоку. — В будуаре леди Бланшфлёр я видела точно такие же. Как видишь, монограмму отпороти.

— Действительно. ГдК. Герцогиня дель Кампо. — Очевидно, пытаюсь собраться с мыслями, он замялся. — Похоже, что... как ни странно... однако почему из всех разряженных дам Лондона похитители выбрали именно её?

Внезапно меня озарило:

— Ради её невероятно длинных роскошных золотисто-каштановых волос!

Шерлок уставился на меня так, будто я заговорила на суахили¹, но по моей коже пробежал холодок. Я знала, что попала в точку. Злодеи не только забрали

¹ Суахили — язык одного из народов Восточной Африки.

одежду леди Бланшфлёр, но и отстригли ей волосы, удвоив прибыль.

— Ты ведь покупал парики и знаешь, в какую сумму они обходятся. Страшно вспомнить, сколько я заплатила за этот, который на мне сейчас! Скорее всего, это волосы либо баварской крестьянки, носившей платок, либо преступницы — у некоторых из них очаровательные кудри, — либо отчаявшейся нищенки, решившейся расстаться со своей великолепной шевелюрой...

— Одним словом, — вмешался Шерлок, — красивые волосы на парики...

— А также шиньоны, — вставила я.

— ...Сложно найти, и цена на них высокая.

— Именно.

— Полагаю, ты права, — без энтузиазма признал он. — Хорошо, предположим, эта миссис Калхейн вместе с подельником похитила леди Бланшфлёр

ради её наряда и волос... лавка находится в плохом районе?

— Ужасном.

— Возможно ли, что она не способна вернуться домой из-за травмы или сильной слабости?

— Скорее всего, так оно и есть.

Шерлок, человек действия, вскочил со стула и принялся мерить шагами комнату:

— Надо немедленно сообщить в полицию!

— Я собиралась, — громко произнесла я, — дать Реджинальду понюхать её платок, чтобы он привёл нас к герцогине.

Услышав своё имя, старый пёс поднялся на ноги и наострил уши.

— Ведь ты заметил, что на ткани остались... мм... носовые выделения леди Бланшфлёр?

— Да, но, дорогая моя сестра, наш Реджинальд колли, а не ищейка!

Пёс переводил взгляд влажных карих глаз с меня на брата, как бы следя за разговором.

— Ты прав, — согласилась я, но тут же нашла другое решение: — А как насчёт пса, с которым ты искал островитянина? Ты ещё одолжил его у старика, держащего барсуков, горностаев и так далее.

Шерлок в ужасе взглянул на меня:

— Ты читала преувеличенно мелодраматичные повести Ватсона о моих расследованиях?!

— Разумеется, если, конечно, можно считать «Знак четырёх» преувеличенно мелодраматичным. Кажется, пса звали Тоби?

— Да, и сейчас зовут. — Вдруг он посмотрел на меня как-то странно и задал совершенно неуместный вопрос: — Энола, ты в самом деле хочешь поступить в университет?

ЭНОЛА ХОЛМС И ЗЛОВЕЩИЕ ЗНАКИ

— Я... меня устраивает моё образование, но я всегда мечтала изучать высшую математику, современную литературу, науки — например, химию...

Шерлок решительно вскинул руки, словно дирижёр оркестра, требующий тишины перед исполнением симфонии:

— Мы немедленно пойдём за Тоби, и я последую за тобой, куда бы ты меня ни повела — но при одном условии: к нам присоединится Майкрофт.

Глава пятнадцатая

КАК ЖЕ МЕНЯ ЭТО УДИВИЛО И ВОЗМУТИЛО! Побелев от ужаса, я вскочила на ноги:

— Майкрофт?! Зачем?!

— Нет времени объяснять, Энола. — Шерлок взял цилиндр, перчатки и трость. — Так ты согласна?

— Как я могу согласиться?! Ведь он мой законный опекун и имеет право...

— Даю слово джентльмена, что помешаю ему схватить тебя, если он предпримет такую попытку.

— Ты не позволишь ему меня тронуть?

— Обещаю.

Слову Шерлока я доверяла. К тому же сбежать от тучного Майкрофта легко. И всё же...

— Меня не отпускает чувство, что это очередная твоя хитрость.

— Верно. — Его губы сложились в озорную улыбку, которая выглядела неуместно на остром, точёном лице. — И обхитрить я хочу Майкрофта.

— О! — Эти слова полностью меня успокоили, а любопытство пересилило осторожность. — Что ж, хорошо! — сказала я и погладила Реджинальда на прощание. — Идём же!

* * *

Тоби, как и описывал его Ватсон, был спаниелем с длинной коричнево-белой шерстью, не самым очаровательным. Мы

оставили пса в кебе (Шерлок желал ехать в четырёхколёсном экипаже, а он всегда получал то, что хотел) и пошли за Майкрофтом в клуб. Мы не сомневались, что сейчас, в сумерки, он точно там будет. Он, подобно солнцу, держался привычного распорядка, перемещаясь между работой, клубом и своими комнатами.

Женщина, пусть даже и очаровательная Виола Энверуа в изящном жёлтом платье, не могла войти в клуб, и потому мы с Шерлоком ждали в прихожей, пока старший слуга (как будто младший с такой сложной задачей не справился бы) сходит за Майкрофтом. Ждать пришлось несколько минут. Шерлок протянул мне мою визитку и сказал:

— Играй свою роль, мисс Виола Энверуа.

О, так Шерлок хотел проверить, быстро ли Майкрофт меня узнает. Я взяла саквояж обеими руками, облачёнными

в перчатки, опустила подбородок и придала лицу жеманное выражение.

Майкрофт вышел к нам, хмурый и сердитый, в белом галстуке, дорогом синем жилете и сюртуке-визитке и даже не взглянул на меня.

— Шерлок! — рявкнул он. — Ты же знаешь, я терпеть не могу, когда прерывают...

— Уверяю тебя, дорогой брат, это крайняя необходимость, — произнёс Шерлок так ласково, что гнев Майкрофта растаял, как сахарная глазурь на горячей булочке с корицей. — Майкрофт Холмс, позвольте представить вам мисс Виолу Энверуа, — галантно добавил Шерлок.

Майкрофт повернулся ко мне с лёгким поклоном, и я протянула ему визитку.

— Очень приятно, — сказал он, хотя по голосу чувствовалось, что ему ни капли не приятно.

— Мисс Энверуа необходима моя помощь — и ещё одного крепкого мужчины. Ватсон сейчас занят, и я вынужден обратиться к тебе.

— Крепкого?! — проревел Майкрофт, как будто его смертельно оскорбили.

— О, мистер Холмс, — сладко проворковала я, — неужели вы не поможете леди в беде?

Он разинул рот, но ничего не сказал. Вид у него был такой, словно он съел испорченную рыбу.

— Идём, Майкрофт, — поторопил его Шерлок. — Это всего на несколько часов, и нас ждёт кеб.

Как по команде, перед нами появился расторопный слуга и накинул на Майкрофта широкое пальто.

Здесь следует объяснить, что наряд аристократа не знает времён года. Даже в летнюю жару джентльмены носят пальто, а леди — капор и перчатки.

Шерлок взял шляпу и трость Майкрофта и торопливо повёл брата к двери. Я засеменила за ними. У кеба Шерлок спросил:

— Куда мы направляемся, мисс Энверуа?

— На угол Кипл-стрит и Сент-Тукингс-лейн, — пролепетала я, словно сама была не способна озвучить пункт назначения для кучера.

Шерлок сделал это за меня.

— Ист-Энд? Ещё и с собакой?! — капризно спросил Майкрофт, усаживаясь как можно дальше от Тоби.

Шерлок подал мне руку и помог подняться в салон с такой осторожностью, будто держал уотерфордский хрусталь. Изобразив типичную для леди брезгливость, я отодвинулась от бедного Тоби и села возле Майкрофта, чтобы он уловил аромат моей туалетной воды с лилиями и лавандой. Шерлок занял место рядом

с Тоби, и мы поехали. Шерлок молча поглаживал пса, и тишину нарушал только стук колёс.

Некоторое время спустя то ли любопытство, то ли волнение, то ли мои духи взяли верх над Майкрофтом, и он повернулся ко мне:

— Позвольте узнать, какая же вас постигла беда, мисс Э-э...

Я смущённо опустила взгляд и улыбнулась.

— Энверуа, — подсказал Шерлок. — Мисс Виола Энверуа. Её родители были добрыми друзьями нашей матери.

— К слову о матери! — Майкрофт подался к нему и спросил: — Энола уже сообщила тебе что-нибудь про то письмо, о котором ты упоминал?

— Пока нет.

— Проклятие, Шерлок, следовало посоветоваться со мной, прежде чем от-

давать столь важную корреспонденцию этой полудикой разбойнице...

Шерлок взглянул на меня, и я заметила озорной блеск в его глазах.

— ...нашей неотёсанной, невоспитанной сестре, больше похожей на щенка терьера, ещё ни к чему не приученного...

Я больше не могла это выслушивать.

— Позвольте, — произнесла я своим собственным, легко узнаваемым голосом, — уверена, она хотя бы к чему-то приучена и ничуть не более груба, невоспитанна и дика, чем её родственники во многих ситуациях...

Майкрофт шумно выдохнул, словно был мехами, и уставился на меня.

— ...например, когда они обсуждают деликатные семейные вопросы при незнакомцах, — спокойно закончила я, очень довольная в эту минуту стильным цыганским капором, очаровательными жемчужными серьгами и безу-

пречно накрахмаленным воротничком в складку. Я скромно улыбнулась брату, а через мгновение расплылась в уже далеко не такой женственной улыбке.

— Энола?! — выдохнул Майкрофт.

— Собственной персоной, мой дорогой брат.

— Энола! Как... я бы никогда... но... что... где, во имя...

Вдруг кеб остановился, и кучер объявил скучающим голосом:

— Кипл-стрит!

Глава шестнадцатая

Я СПРЫГНУЛА НА ДОРОГУ И ОТКРЫЛА саквояж. Шерлок заплатил кебмену и отпустил его. Майкрофт стоял столбом. Я протянула ему фонарь и спички. Второй фонарь оставила при себе — всё-таки я рассчитывала на компанию только одного брата. Шерлок взял свою самую тяжёлую трость — превосходное оружие. В другой руке он держал поводок Тоби. Я отдала ему носовой платок герцогини дель Кампо, запихнула в саквояж капор, перчатки и дорогой парик и набросила на жёлтое платье, слишком выделяюще-

еся на этих улицах, лёгкий чёрный плащ, который предусмотрительно захватила с собой. В более непримечательном костюме, с собранными в неопрятный пучок волосами мышиного цвета, я повернулась к старшему брату:

— Ну как, Майкрофт, теперь я больше похожа на твою сестру-бунтарку?

Я отклеила родинку и бросила её в саквояж. Майкрофт, похоже, потерял дар речи. Необычно для него.

— Откуда начнём, Энола? — спросил Шерлок.

— Пойдём вдоль Темзы, — предложила я и зашагала вперёд, держа в одной руке саквояж, а в другой фонарь. — Полагаю, из метро её вывели через старую канализацию, в каких обычно промышляют помоечники и сборщики металла...

— Её? — спросил Майкрофт, к которому наконец вернулся дар речи. — О ком...

— О герцогине Бланшфлёр дель Кампо, — просветил его Шерлок. — Энола, ты полагаешь, что после того, как леди ограбили, её бросили у пристани?

— Наверняка сказать нельзя — но не могли же её оставить в лавке?

— Действительно.

По тону Шерлока я поняла, что он не воспринимает наши поиски всерьёз, но наслаждается происходящим. Я же, хоть меня и забавляло замешательство Майкрофта, была твёрдо намерена отыскать пропавшую герцогиню.

Ступая тихо и осторожно, я повела братьев вниз по склону, через паутину переулков к реке — правда, красивое слово «река» не слишком подходит для Темзы, больше похожей на канализацию, полную вонючей коричневой жижи, уровень воды в которой поднимался и опускался в зависимости от прилива и отлива в океане. Солоноватая мутная

вода скрывала в себе утонувших крыс, мёртвых кошек, а порой и разлагающиеся трупы. На берегу, в гнили, обитали люди, которых смело можно было бы отнести к земноводным.

В тёмном переулке между домами на меня вдруг нахлынул страх, и я замешкалась. На фоне сумеречного неба темнели мачты кораблей. Переулок вывел нас на старый ветхий причал у края Темзы.

Мы ненадолго остановились, прислушиваясь к ночной тишине и вглядываясь в полумрак.

— Я была здесь раньше, — прошептала я.

— Когда? — тихо спросил Шерлок.

— В мою первую ночь в Лондоне.

В голове промелькнули кошмарные часы, проведённые с маленьким лордом Тьюксбери в заточении в трюме лодки. То, как я, пытаясь разрезать свои путы стальной пластиной из корсета, стёрла

запаястья до крови. То, как мы вырвались на свободу, как бежали в ночи по незнакомым улицам и бедный Тьюки, босой, едва поспевал за мной...

— Что ты здесь делала? — проворчал Майкрофт.

— Спасалась от головорезов.

— Очаровательно.

— Сюда, — прошептала я, сворачивая направо и пытаюсь отбросить страшные воспоминания. На берегу темнели силуэты складов. Они бы полностью сливались с темнотой, если бы не яркие газовые рожки таверн. Дорога у реки была скользкой и неровной. Жуткое местечко. Как раз в таком миссис Калхейн и её подельники могли бросить несчастную герцогиню. — Давай проверим, сможет ли Тоби взять след, — сказала я Шерлоку.

Мне особенно нравилось в нём то, как легко он находил общий язык с собаками и лошадьми. Шерлок посмотрел на Тоби,

присел, чтобы сравняться с ним, погладил и приласкал, возбуждая интерес, прежде чем достать батистовый платок с кружевной каймой и поднести к носу спаниеля. Тоби послушно его обнюхал, и Шерлок пристегнул к короткому поводку длинный, чтобы пёс мог свободно бежать. Тоби тут же поспешил вперёд забавной неровной походкой и исчез в темноте, которую не разгонял свет наших фонарей.

— Что ж, по крайней мере он не ведёт нас к тебе, Энола, — заметил Шерлок. — Ведь на платке есть и твой запах.

— Да, как и твой. И миссис Калхейн.

— Проклятие, Энола, когда я с тобой, мой мозг отчего-то начинает давать сбои... Почему мы не зашли к герцогу дель Кампо и не попросили предмет туалета герцогини, на котором есть только её запах?

— И что ты ожидал бы получить — нестиранные панталоны?

— Энола! — смущённо воскликнул Майкрофт — ведь я упомянула нижнее бельё при мужчинах!

Не обращая на него внимания, я продолжила нападать на Шерлока:

— Как бы ты объяснил, для чего тебе это?

— Да, объяснение вызвало бы ложные надежды и лишние вопросы, — со вздохом признал Шерлок. — Ты права, Энола. И всё же нам очень повезёт, если Тоби приведёт нас не к лавке миссис Калхейн, а к искомому.

— Не то слово, это будет даже не везением, а настоящим чудом! Однако попробовать надо всё.

— А что я? — проворчал Майкрофт, плетущийся за нами. — Зачем ты на самом деле взял меня с собой, а, Шерлок, позволь узнать?

— Скоро поймёшь, дорогой брат. Скоро всё покажется тебе проще некуда.

Глава семнадцатая

ПРОШЛО НЕСКОЛЬКО ЧАСОВ, НО Майкрофт так и не получил ответ на свой вопрос. Тоби с типичным собачьим оптимизмом вёл нас по замусоренному, неровному берегу Темзы, обнюхивая каждую канаву, ручеёк, яму, канализационный люк — но ничего удовлетворительного не находил. Более того, он привёл нас обратно, к той самой злощастной пристани, пробуждающей во мне страшные воспоминания. Уверена, если бы Майкрофт, не привыкший по долгу ходить, не выдохся и не дышал так

тяжело и отрывисто, он непременно начал бы жаловаться, когда мы подошли к тоннелю — точнее, к дну высохшей реки, мимо которого уже проходили до этого...

Тоби резко вскинул голову.

Меня вдруг тоже пронзило странное тревожное чувство — похоже, за время, проведённое на тёмных улицах Лондона, я научилась нутром чувствовать опасность.

— В тоннель! — скомандовала я и, схватив Шерлока и Майкрофта под локти, потащила их за собой. — Гасим фонари!

Пса уговаривать не пришлось. Он юркнул в тоннель и прижался к моим ногам, вздыбив шерсть и наострив уши.

О молчании тоже просить никого не требовалось, но на всякий случай я приложила ладонь к мордочке Тоби.

Мы слышали шаги на берегу со стороны доков.

И голоса.

Кто-то приближался.

Один голос был низким и хриплым, отчасти старческим, но как будто... женским? А второй — высокий и писклявый: я не сомневалась, что он мужской. Оба казались мне смутно знакомыми, но я никак не могла вспомнить, где их слышала.

Тем более что обладательница низкого голоса напугала меня чуть ли не до потери сознания, быстро и грубо выплюнув такие слова, какие мне не хотелось бы здесь приводить.

— ...и я уж сыта ею по хорло, — закончила она.

— А она тобой! — хихикнул её собеседник.

— Так какого же лешего она не уходит?!

Тут я слегка перефразировала и использовала «лешего» как эвфемизм, чтобы не пугать любезного читателя.

— Я как ни выйду из дома — она всё лежит, как дохлая рыба, в хрязи у конюшни...

— Так ты ж её туда и положила! — перебил Пискалявый.

Пискалявый!

Я сама чуть не пискнула от ужаса, узнав наконец голос жестокого головореза, чуть не убившего меня прошлым летом.

— Эт тут ни при чём, ты... — Здесь полились такие ругательства, что у меня, право слово, загорелись уши. Я и не подозревала, что женщина способна так выражаться, даже...

Тут они поравнялись с тоннелем, и я увидела крупный, черепахоподобный силуэт с фонарём.

...даже миссис Калхейн.

А это была именно она, вместе с него-
дям Пискалявым.

— Это она, — прошипела я на ухо
Шерлоку, надеясь, что он всё поймёт,
поскольку не посмела больше ничего
добавить. Я поёжилась и шагнула назад.
Майкрофт, к счастью, уже дышал ров-
но. Они с Шерлоком не производили ни
звука.

— Уж все вокрух только о ней и тол-
куют, как бы до полиции не дошло, —
добавила миссис Калхейн. Надеюсь,
любезный читатель понимает, что мно-
гие слова мне приходится заменять. —
Што ж она всё тут околачивается, нет
бы идти домой, а не жертву из ся ра-
зыхрывать!

В это время они проходили совсем
рядом. Я была готова в любой момент
вытащить кинжал из корсета, если один
из них повернётся и увидит нас в свете
фонаря.

— Ну от меня-то ты чего хошь? — спросил Писклявый.

— Ясно же — избавься от ней!

— Как? В друхое какое место, что ль, перетащить или прикончить?

То есть убить. От его хладнокровия у меня по спине пробежали мурашки. К счастью, благодаря этим словам миссис Калхейн посмотрела прямо на него, и они прошли мимо тоннеля, глядя исключительно друг на друга.

— Делай што хошь, — сказала она. — Мне оно неважно. И знать я об том ниче-хо не хочу. Просто избавься от ней, и всё.

* * *

— За ними! — прошептала я, как только они исчезли из виду. Шерлок уже крался к выходу из тоннеля. На нём были мягкие кожаные сапоги, и к тому же природа наделила его ловкостью и изяществом. Я могла не переживать,

что злодеи его услышат. А вот за себя не поручилась бы, поскольку в самые ответственные минуты часто бывала неуклюжа. Я подождала, пока Шерлок отойдёт на почтительное расстояние, и последовала за ним, взяв поводок и оставив фонарь — он мог звенеть или греметь при ходьбе. Майкрофт, как ни поразительно, взял с меня пример и, поставив свой фонарь на дно тоннеля, пошёл за мной, намеренно отставая и, полагаю, шагая как можно осторожнее — ведь путь наш освещали только газовые фонари, свет которых отражался от низких облаков, и фонарь миссис Калхейн.

Такой тихой тёмной процессией мы крались вдоль Темзы, пока не поднялись по склону туда, откуда начали наше путешествие — на Кипл-стрит. Я сразу поняла, куда мы идём. Конюшни за лавкой миссис Калхейн я тоже помнила по

тому кошмарному летнему дню, когда нам с Тьюки пришлось плутать между коровьим сараем, ветхим стойлом осла, козлиным загонем и толпами шумных кур и гусей, чтобы скрыться от Пискалявого и его ещё более устрашающего напарника.

Разумеется, сначала мы вышли на Кипл-стрит, слабо освещённую теми редкими фонарями, которые ещё не были разбиты. Шерлок ступил на тротуар и дождался меня на углу здания.

Ну и, вероятно, Майкрофта. Однако сейчас я не думала о своём грозном брате, плетущемся за нами. Заглянув за угол, я увидела Пискалявого и миссис Калхейн, карикатуру на благородную пару, вышедшую на променад. Они свернули на Сент-Тукингс-лейн.

— Я знаю, как их обогнать. Идём! — прошептала я Шерлоку и вместе с Тоби

побежала прямо через Кипл-стрит в переулок, ведущий к конюшням.

У меня за спиной кто-то — похоже, Майкрофт — воскликнул:

— Какая мерзость! Она что, сошла с ума?!

Неудивительно: ведь в таких тёмных переулках легко вляпаться в вонючие экскременты домашнего скота, о котором я упоминала выше, и тому подобную дрянь. Там уж точно не хотелось бы поскользнуться и упасть. Поэтому, вбегая в жуткую тьму, которую лишь отчасти рассеивал свет фонаря с угла Сент-Тюкингс-лейн, я старалась ступать осторожно. Миссис Калх...

Мысль я не закончила. Передо мной предстала жуткая картина. Я ахнула.

В полумраке, в грязи, лежало нечто — или некто, поскольку оно напоминало человеческую фигуру.

Неподвижную.

ЭНОЛА ХОЛМС И ЗЛОВЕЩИЕ ЗНАКИ

Бледную и как будто бездыханную — право, выглядела она как накрытый простынёю труп.

Господи, если это Бланшфлёр, хрупкая и искалеченная корсетом леди, — живали она?!

Глава восемнадцатая

Я НЕ МОГЛА ПОНЯТЬ!

Даже когда миссис Калхейн и её кровавый спутник остановились подле несчастной, даже когда на тело упал свет фонаря, она не пошевелилась.

Я побежала к ним — шаги мои заглушала отвратительная навозная жижа, — пытаюсь задержать дыхание и напрячь слух, но всё равно не могла услышать, о чём они говорят. Зато увидела, как миссис Калхейн поставила фонарь на землю, развернулась и ушла своей обычной походкой вразвалку.

Я увидела, что на земле лежит женщина — живая или мёртвая, — необычайно худая, в одной сорочке.

Я увидела, как она пошевелилась, словно пытаясь поднять голову.

Живая!

И я увидела, как Писклявый занёс над нею нож.

— Нет! — завопила я, бросая поводок Тоби, и помчалась ещё быстрее. — Стой! — Он был слишком далеко, и остановить его я могла только криками. — Убийство! Полиция!

Писклявый ошеломлённо вздрогнул и обернулся — и в эту минуту я, за неимением другого снаряда, с отчаянной силой бросила саквояж прямо ему в голову.

Он пригнулся, и саквояж пролетел мимо, но всё же я выиграла время и успела подбежать к нему с кинжалом.

Он оскалился, словно уличный пёс, и мы, обнажив лезвия, стали медленно ходить по кругу. Он меня узнал:

— Опять ты! Тебе конец!

— Помогите, — взмолилась лежащая на земле несчастная. — Пожалуйста, помогите...

Я отвлеклась, и Писклявый воспользовался моментом, чтобы предпринять попытку прикончить меня.

Я не успевала отразить атаку. Злодей быстро поднёс нож к моей ничем не защищённой шее, но в эту решающую минуту на голову Писклявого тяжело опустилась трость, и он выронил оружие. Шерлок, не теряя времени, заломил ему руки за спину.

Я уже хотела поблагодарить брата, но в ту же минуту ему на плечи набросилась тучная фигура в уродливом капоре. Миссис Калхейн! Шерлок пошатнулся

под её весом и чуть не упал. К сожалению, при этом он отпустил Писклявого, и негодяй умчался в ночь. Я попыталась отцепить миссис Калхейн от брата, но она откинула меня в сторону. Тут её за руку схватил кто-то не менее крупный. Майкрофт оторвал миссис Калхейн от Шерлока и толкнул в грязь.

Я не могла вдоволь насладиться этой сценой, поскольку меня тревожила судьба несчастной жертвы. Я опустилась на колени и взяла её перепачканную руку в свою:

— Ваша милость?

Она посмотрела на меня и кивнула. Действительно, нежные черты её лица узнавались даже в таком печальном состоянии, и, несмотря на то что от великолепной шевелюры осталось всего несколько дюймов, испачканных сейчас в грязи, я не сомневалась, что передо мной герцогиня Бланшфлёр.

— Помогите, — прошептала она.

— За этим мы и пришли, — заверила её я. — Вы... вы ранены?

Она помотала головой.

Тоби, лучшая ищейка Лондона, если верить «Знаку четырёх», подошёл к ней и обнюхал, не выказывая никакого интереса.

— Вы слабы? Измучены голодом?

— Нет, вовсе нет! — Её очаровательные глаза удивлённо округлились. — Нищие делятся со мной хлебом. Самые бедные, в обносках, жалеют меня.

Я всё же достала конфеты, которые всегда носила с собой, и положила штучку ей в рот. Шерлок и Майкрофт опустились подле неё. Миссис Калхейн, судя по всему, приняла мудрое решение и отступила.

— Я хочу домой, — сказала леди Бланшфлёр, и слова её прозвучали жа-

лобно лишь в силу обстоятельств. — Вы отвезёте меня домой?

— Разумеется, для этого мы вас и искали, — ответил Шерлок. — Помочь вам подняться, миледи?

— О нет-нет, я не могу ни сидеть, ни стоять, — торопливо произнесла она, словно поражённая таким предложением. — Только если мне принесут... — Она замялась, явно смущённая. Отведя взгляд от моих братьев, она умоляюще посмотрела на меня.

— Что? — далеко не так ворчливо, как обычно, спросил Майкрофт. — Что вам необходимо?

Она поморщилась и прошептала мне:

— Я пыталась ползти... но даже это оказалось... невозможно. Моя талия...

Перед глазами у меня тут же встал чудовищный корсет, который я видела в лавке миссис Калхейн.

Фрейлины говорили, что Бланшфлёр носила его с детства.

И правда, талия у этой взрослой леди была как у шестилетней девочки. Мама читала мне статьи из журналов о реформе платья, но я впервые увидела своими глазами живое доказательство того, как непоправимо калечат корсеты.

— Чтоб меня черти съели! — выругалась я, страшно рассерженная — но, разумеется, не на измученную жертву. Окинув взглядом её хрупкое, болезненное, скрюченное тело, я повернулась к братьям: — Уверена, она училась в одном из лучших пансионов, Майкрофт!

— О чём ты?..

— Её бедная талия — она так ужата, что совершенно... — Я не смогла вспомнить слово «атрофирована» и от этого разозлилась ещё сильнее. — Она стала жертвою моды, и теперь несчаст-

ная не может ни сидеть, ни стоять, ни ходить без этого дьявольского орудия пыток!

Леди Бланшфлёр тихо расплакалась.

Майкрофт застыл в изумлении, но Шерлок, вероятно благодаря поучениям Флоренс Найтингейл, сразу всё понял и вполне ожидаемо взял ситуацию в свои руки:

— Тише, Энола. Ты сказала достаточно. Позволишь одолжить твой плащ?

Закусив губу, чтобы унять гнев, я выпрямилась, сняла порядком выпачканный в лондонской грязи плащ и протянула Шерлоку.

— Мы отнесём вас домой, ваша милость, — сказал он. — Майкрофт, приподними её за плечи, пожалуйста. Видишь, я же говорил, что потребуются двое крепких мужчин.

Правда, когда герцогиню укутали в плащ — из соображений приличия, —

Шерлок с лёгкостью взял её на руки и понёс в одиночку — такой она была хрупкой и невесомой. Он повернул на запад, к Сити.

Мы довольно долго шли по трущобам, не встретив по пути ни одного кеба — всё-таки сложно найти наёмный экипаж в столь неурочное время, наверное около четырёх утра. Наконец Шерлок повернулся к Майкрофту и сказал ему, словно это была детская игра:

— Твоя очередь. Держи.

Он передал леди Бланшфлёр Майкрофту, и тот, надо отдать ему должное, понёс её бережно и неспешно.

Однако экипажи нам по-прежнему не попадались. Разумеется, летом улицы Ист-Энда не пустовали, но пьяницы, воришки и ночные бабочки держались от нас как можно дальше. Странно мы, должно быть, выглядели: двое мрачных джентльменов, безжизненное на вид тело

и я в грязном жёлтом платье, растрёпанная, чумазая, с саквояжем в руке и спаниелем на поводке.

Вскоре Майкрофт вернул герцогиню Шерлоку. Так мы и шли ещё много миль, и они несли её по очереди.

Всё это время мои братья молчали, и Шерлок, идущий впереди — как всегда, человек действия, — словно забыл о моём существовании. Однако Майкрофт шёл рядом со мной, и я заметила, что он часто на меня поглядывает.

Наконец он заговорил:

— Энола... Когда Шерлок обещал, что скоро мне всё покажется проще некуда — он говорил о тебе?

Признаться, я понятия не имела, зачем Шерлок позвал Майкрофта, и не знала ответа на этот вопрос, но вид у Майкрофта был такой серьёзный, что я не выдержала и рассмеялась.

— Само собой, — воскликнула я, — другой такой простушки не сыскать! Особенно учитывая, в каком состоянии сейчас мои лицо, волосы и одежда, выгляжу я проще некуда!

Шерлок усмехнулся, но взгляд Майкрофта стал только ещё серьезнее, и в этот момент, к моему собственному удивлению, я вдруг прониклась к нему симпатией.

— Именно, — сказал он. — Прошлым летом я встретил избалованную, но обделённую вниманием тощую девчонку-сорванца, а сейчас вижу перед собой потрясающую, ни на кого не похожую девушку. Нет, ты вовсе не так проста, тем более что тебе всего четырнадцать!

— Совсем скоро будет пятнадцать, — мрачно ответила я, поскольку не особо радовалась грядущему дню рождения.

— Неужели?

— Правда?! — одновременно с ним воскликнул Шерлок. — Уже прошёл год?!

— С тех пор как мама сбежала с табором? Да.

При этих словах я вспомнила о её письме, и у меня защемило сердце — даже сильнее обычного.

— Я всё ещё не могу поверить, что наша мать... — начал было Майкрофт — очевидно, он уже знал про цыган, но тут Шерлок его перебил.

— Майкрофт, — тихо обратился он к старшему брату, — сегодня я уговорил тебя пойти с нами, чтобы ты смог лучше узнать Энолу, понять её и, возможно, извлечь урок из этой истории. — Он повернулся к нему и бережно передал ему леди Бланшфлёр, похоже, близкую к обмороку. — Надеюсь, так оно и вышло.

— Сейчас не лучшее время для разговоров, — проворчал Майкрофт.

— Пожалуй, — мирно признал Шерлок, подстраиваясь под его шаг. — Тогда — как только ты будешь свободен?

Здесь Майкрофт выругался, и хотя очень уместно, но уж очень неприлично, и потому я сочту нужным это опустить.

Мы молча пошли дальше.

Глава девятнадцатая

К тому времени, как мы добрались до Олдгейтской водонапорной башни, одного из громадных и уродливых памятников гигиены Лондона, неофициальной границы между немытым Ист-Эндом и чистым Сити, рассвет уже выбелил небо. На стоянку кебов у башни как раз подъехали несколько зевающих кучеров, и Шерлоку удалось обеспечить нас четырёхколёсным экипажем.

Он бережно уложил герцогиню в салон, и она распахнула глаза.

— Я была права: в глубине души все люди очень добры, — пролепетала бедняжка. — Спасибо.

— Вы заслуживаете только добра, — ласково сказала я, вкладывая ей в рот ещё одну конфету.

Шерлок не стал напоминать леди Бланшфлёр о «доброте» миссис Калхейн и Пискалявого. Он повернулся ко мне:

— Энола, могу я спросить, как ты оказалась замешана в этом деле?

— Разумеется, спросить ты можешь, — отозвалась я, надеясь, что, несмотря на усталость после тяжёлой ночи, в моей улыбке читается тепло и любовь к брату, — но отвечать я отказываюсь.

Он вскинул брови:

— Хорошо, я спрошу иначе. Ты вхожа в дом герцога Луи дель Кампо?

— Меня там знают как благородную

даму, встревоженную судьбой герцогини.

— Тогда, полагаю, будет лучше, если ты одна отвезёшь герцогиню Бланшфлёр домой.

— То есть чтобы они не думали, что мужчины видели её в таком состоянии?

— Именно. Подожди минуту.

Он забрал у меня поводок Тоби, передал его Майкрофту, достал из кармана платок (не с кружевной каймой, а свой, мужской), намочил водой у Олдгейтской башни и стал вытирать мне лицо, будто я была ребёнком.

Измотанная и ошеломлённая, я несколько минут стояла как манекен, а потом забрала платок и сама стёрла с рук и лица оставшуюся грязь.

— Неплохо, — неуверенно произнёс Шерлок, когда я прикрыла растрёпанные волосы париком и шляпкой. — Родинка тебе нужна?

— Нет.

— Тогда до встречи.

— Да. После такого приключения я намерена проспать до завтра.

Я бросила саквояж в салон и уже шагнула на ступеньку кеба, как вдруг Майкрофт выкрикнул:

— Подожди!

Бедный Майкрофт, я почти забыла о нём! Я поспешно повернулась к брату.

Мучительная ночь вытрясла из него всю напыщенность и словоохотливость. Он спросил ворчливо, но по-детски просто:

— Когда мы снова тебя увидим?

На меня нахлынула внезапная волна любви к старшему брату, но я вовремя напомнила себе, что он не давал никаких обещаний и доверять ему нельзя.

— Не знаю. Я с вами свяжусь. Обещаю.

— Надеюсь, ты обратила внимание,

что я не вызвал констебля, чтобы тебя задержать, — с оттенком привычной сварливости заметил Майкрофт.

— Поверь мне, обратила, — заверила его я.

— В таком случае почему бы нам не согласиться...

— Я ужасно устала, Майкрофт, не готова к серьёзным беседам и боюсь на что-либо соглашаться.

Вдруг Шерлок заговорил с непривычной для него сбивчивостью:

— Энола! Твой день рождения!

Я оглянулась на него в искреннем изумлении:

— Что? При чём здесь мой день рождения? — Раньше они не проявляли к нему интереса.

А в этот момент оба почему-то растеряли своё красноречие. Шерлок медленно, как будто ему трудно было закончить мысль, произнёс:

— Мы должны быть вместе.

— Зачем?

— Втроём, — с таким же трудом добавил Майкрофт.

Не будем же мы праздновать день, в который мама нас бросила?

— Представить не могу, чтобы вы преподнесли мне торт или подарок. Почему...

Договаривать я не стала, потому, что было бы жестоко пытаться их дальше, и потому, что сама не готова была разбираться в своих запутанных чувствах; а ещё, как ни странно для дочери логика, с трепетом вспомнила о словах старой цыганки: что мне суждено быть одной, если я не пойду против судьбы.

Вместе: втроём.

Или в одиночестве?

Решать мне.

— Энола? — спросил Майкрофт.

Утомлённая, не в силах ничего обдумывать, я решила довериться сердцу и кивнула:

— Бейкер-стрит? Шерлок?

— Бейкер-стрит, конечно. Приходи к чаю. Захвати скиталу.

Так, по-простому, мы договорились о встрече — не то чтобы на мой день рождения, а скорее на годовщину маминого исчезновения. Чтобы всем вместе взяться за расшифровку загадочного письма.

Горькая мысль.

— Хорошо, — коротко сказала я, помахала братьям и села в кеб, чтобы отвезти герцогиню Бланшфлёр домой на Окли-стрит.

* * *

Я положила её грязную остриженную голову себе на колени, бережно придерживая рукой. Несколько раз за поездку

она открывала глаза — только чтобы одарить меня своей ангельской улыбкой и снова их закрыть.

К особняку в мавританском стиле мы подъехали рано утром. На дороге встречались редкие экипажи и прохожие. Я постучала кебмену, чтобы он спустился, и попросила высадить нас у чёрного входа, куда обычно подъезжала доставка. Там было меньше свидетелей, и я не сомневалась, что герцог дель Кампо (как и я, хоть и по другим причинам) предпочёл бы, чтобы в газеты не попали обстоятельства исчезновения и последующего возвращения его дорогой супруги.

Мы остановились у двери кухни, и к нам выбежала сердитая кухарка. Я открыла дверцу кеба, и служанка закричала как цесарка, увидев жуткую картину в салоне.

— Позовите хозяина, — приказала я, — и Мэри... — Господи, в голову ни-

как не шли их фамилии, и мне вспоминались только Мария Магдалина, Мария из Вифани, из Назарета и Цветочная Мария. — Фрейлин герцогини Бланшфлёр, как можно скорее. И прошу, не поднимайте шума... — беспомощно добавила я под её жуткие визгливые вопли.

Первым прибежал герцог. Помню, после этого дня я нарисовала много забавных набросков с этим колоритным джентльменом: чёрные волосы всклокочены, ночная рубаша не прикрывает костлявых лодыжек и босых ног. Верный своей горячей натуре, он не задержался даже надеть тапки и халат. За ним выбежали Мэри в шенили¹ и Мэри во фланели (я уже не помнила, какая из них Персиковая, а какая Бирюзовая, кто Хамблтон, а кто Торокрамб, но это и не имело значения — обе рыдали и причи-

¹ Шениль — вид ткани, бархатистый шёлк.

тали над бедняжкой). Герцог, к моему восхищению и уважению, осыпал жену поцелуями, несмотря на её измазанное грязью лицо.

Правда, я считала, что необходим более практичный подход. Расплатившись с кебменом, я попросила герцога отнести леди Бланшфлёр в дом. Он так и поступил, крикнув слугам, чтобы послали за врачом. Мы с обеими Мэри последовали за ним. Герцог уложил супругу на так называемую «кушетку для обмороков» — впервые на моих глазах этот предмет мебели использовался по назначению. Фрейлины побежали за нюхательной солью, горячей водой и неизвестно за чем ещё, а герцог принялся расхаживать по комнате, то смеясь от радости, что его любимая вернулась живой, то гневно осыпая грозными проклятиями злодеев, виновных в её исчезновении и жалком состоянии, то

искренне благодаря Бога, то нетерпеливо вопрошая, когда наконец прибудет врач, то требуя объяснений — в нём сменился весь спектр эмоций.

Когда вернулись фрейлины и приехал врач, я попрощалась с герцогом, сказав ему лишь, что доктор Рагостин нашёл пропавшую леди, но из мужской деликатности просит не упоминать его имени в связи с этим делом. Сам Луи, очевидно из той же деликатности (возможно, немного иного, более светского свойства), не стал расспрашивать меня о том, где была его жена, и, полагая, связавшись со Скотленд-Ярдом, сообщил, что герцогиня нашлась, и воздержался от объяснений. Разумеется, в газетах скоро появилась бы заметка о возвращении леди Бланшфлёр, но она состояла бы в основном из творческих догадок и не говорила бы ни о заслугах доктора Рагостина, ни о вкладе Шерлока Холмса.

Уезжая с Окли-стрит уже в другом, не запачканном грязью кебе, я думала о том, что брат и не жаждал признания. Судя по рассказам и повестям доктора Ватсона, Шерлок часто просил не указывать его имени в газетах. Вряд ли они с Майкрофтом в этом нуждались.

Шерлок. Майкрофт. У меня были братья.

Как это непривычно, как старомодно, как... приятно.

Я даже не стала, как обычно, бросать кеб в отдалении от дома и садиться на метро, чтобы запутать следы. Во-первых, всё моё тело ломило от усталости. Во-вторых, я больше не боялась, что братья узнают, где я живу. Поэтому сразу попросила кебмена отвезти меня в Женский клуб.

Я вошла через боковую дверь, чтобы не пачкать ковёр в прихожей, поднялась к себе в комнату, попросила го-

ЭНОЛА ХОЛМС И ЗЛОВЕЩИЕ ЗНАКИ

рячей воды для мытья и поджаренного хлеба с маслом, отдала грязную одежду в стирку, приняла ванну и перекусила и в тот час, когда люди обычно отправляются на работу, провалилась в заслуженный сон.

Глава двадцатая

ДНЕВНОЙ СОН ЧАСТО ВЫЗЫВАЕТ растерянность и путает мысли, и проснулась я в странном состоянии, чувствуя себя несчастным ребёнком, уверенная, что проспала свой день рождения и поэтому осталась без подарков, а ещё и мама исчезла, и я искала её в лесу под дождём, и мои бриджи промокли, но надо срочно встретить братьев с поезда... моих братьев! Неудивительно, что меня снедало волнение. Ведь мы никогда прежде не виделись! Я хотела, чтобы они нашли маму, а ещё очень хотела им понравить-

ся. Бриджи лучше не надевать, волосы следовало бы помыть, а на всех моих белых платьях травяные пятна, и вдруг я не успею доехать до станции на велосипеде...

На велосипеде?!

Что за нелепица! Я уже год как не садила на велосипед. Бросила его в роще на холме у Бельведера, перед тем как отправиться на поезде в Лондон.

Я села в постели и осознала, что нахожусь в своей комнате в Женском клубе, день рождения у меня только завтра, но с братьями мне и правда надо встретиться, в каком-то смысле впервые и в красивом наряде, а волосы следовало бы помыть — на подушке осталось коричневое пятно.

Какие любопытные параллели прослеживались между этим летом и предыдущим! Я поднялась и позвонила в колокольчик, всё ещё в смятённом состоянии,

чувствуя, будто всё проспала и пропустила, как мама ушла, и надо её найти, обратиться в деревню Кайнфорд, взять велосипед...

Велосипед.

Вот опять. Отчего-то я спотыкалась об эту мысль.

Мама потратила много времени, чтобы научить меня ездить на велосипеде, что на самом деле поразительно, учитывая её обычное поведение. Обычно мама мною не занималась и говорила лишь: «Ты и одна прекрасно справишься, Энола».

Хмм.

Очевидно, как суфражистка и сторонница реформ, она считала важным умение ездить на велосипеде. И сейчас, стоя босиком на полу и вспоминая все наши разговоры, я вдруг осознала, что этот вид транспорта отражал все мамины убеждения. Он дарил женщинам

свободу передвижения — и в то же время бунтарски показывал, что они, грубо говоря, такие же двуногие, как и те, кто носит штаны.

Скорее всего, мама предположила, что я приехала в Лондон на велосипеде и что он остался при мне.

О! О святые колёса!

Ощувив внезапную слабость (хотя вполне оправданную, ведь в последние дни я почти ничего не ела), я опустилась на кровать и обеими руками вцепилась в каркас.

Велосипед. Скитала. Велосипед состоит из множества цилиндров — рамы, руля, ручек, — и все они, насколько мне известно, примерно одного диаметра.

Разумеется, попробовать стоило... но я была не готова. Первым делом мне хотелось помыть волосы, а для этого нелёгкого предприятия требовалось развести огонь, нагреть полотенца и попросить

о помощи служанку. А на то, чтобы они высохли, обычно уходит много часов. Затем не помешало бы подкрепиться — живот сводило от голода. То есть остаток дня я буду занята, и найти велосипед мне всё равно негде — разве что остановить первого попавшегося мальчишку-посыльного на улице.

К счастью, после горячего супа, божественного на вкус свежего хлеба, ароматного пастушьего пирога и чашки вкуснейшего заварного крема из тапиоки (ужинала я у себя, поскольку не могла выйти из комнаты с мокрыми волосами) я придумала, как лучше поступить.

И, вооружившись пером и чернилами, составила следующее послание на своей лучшей писчей бумаге:

Дорогой брат,

Понимаю, это странная просьба на день рождения, но она важна как для

меня, так и для вас с Майкрофтом. Не мог бы ты одолжить или иным способом заполучить несколько подростковых велосипедов — вроде того, на котором ездила я, — чтобы мы могли провести над ними кое-какие опыты за чаем?

Уверена, ты меня не подведёшь.

С любовью,

твоя мятежная сестра

Энола

Я адресовала письмо Шерлоку Холмсу, не указав обратный адрес, и доставила его сама, убрав волосы в пучок, нацепив на нос очки и одевшись в невзрачный твидовый костюм и шляпку старой девы, чтобы не привлекать лишнего внимания в метро — в столь поздний час это могло быть опасно. Когда я просунула конверт в щель для писем на Бейкер-стрит, 221, все уже лежали в постелях. Шерлок увидел бы его только утром.

* * *

Утро моего пятнадцатого дня рождения.

Большую часть утра — да, признаться, и дня — я провела за подготовкой к празднику. Выбрала платье модного фасона (с пышными рукавами) из нансука — то есть из лучшего хлопка — сливового цвета, с красивой драпировкой, подходящего для тёплой погоды, но роскошного, как шёлк. Вместо того чтобы надеть свой верный парик, я решила рискнуть и попросить одну из служанок Женского клуба уложить мои недавно вымытые локоны. Она отважно приняла неравный бой и не менее пятисот раз провела по ним щёткой, чтобы они выглядели гладкими и блестящими — но вместо этого негодные волосы распушились и стали походить на облако. Однако служанка не сдалась и с помощью воды и невидимок соорудила на затылке до-

вольно опрятный пучок. Нанеся немного косметических средств на лицо, шею и запястья под белыми рукавами с рюшами и украсив шляпку и лиф золоти-сто-жёлтыми цветками лилейника, я посмотрела в большое зеркало и осталась полностью удовлетворена — и ни капли не удивлена, — увидев в отражении очаровательную девушку, безупречную от шляпки до нежно-серых сапожек на пуговицах, про которую даже Майкрофт не смог бы сказать, что она недостаточно женственна.

Это немного успокоило меня перед грядущей встречей с ним — за чаем, кто бы мог подумать! — которая вселяла в душу тревогу и смятение. Теперь, вспоминая бледный рассвет, усталое, серьёзное лицо Майкрофта, свои чувства и слова цыганки, я не понимала, зачем столь безрассудно и необдуманно приняла предложение братьев провести свой

день рождения вместе. Разве не глупо вот так жертвовать свободой, идти туда, как овечка на заклание? Разумеется, я сдержу слово, но всё же... Поверить в гадание цыганки! Позор, Энола! — отчитала я себя, подбирая серые перчатки в тон сапожкам. А потом ещё раз взглянула на своё отражение, вздохнула — и отправилась ловить кеб.

Лишь благодаря перчаткам я не грызла ногти во время этой короткой поездки.

А на Бейкер-стрит, когда я увидела на тротуаре перед двести двадцать первым домом впечатляющий отряд велосипедов, все тревоги улеглись.

Там же стояли мои братья, но сейчас меня больше интересовали велосипеды, и я поспешила к ним сразу после того, как расплатилась с кебменом.

— Зачем ей это? — пробормотал Майкрофт.

Шерлок пожал плечами:

— Она просила велосипеды, и я не мог отказать.

— Этот! — воскликнула я, запоздало поднимая голову, чтобы поздороваться с братьями. — Здравствуй, Майкрофт! Здравствуй, Шерлок! — Я выкатила нужный велосипед и сняла перчатки. — Мы с мамой ездили точно на таких же. В целом диаметр у всех примерно одинаковый, но предлагаю начать с этого. — Я извлекла из лифа, самого надёжного женского тайника, мамино зашифрованное сообщение.

— Ах, так в её безумии есть метод!¹ — воскликнул Шерлок, повторяя фразу, которая в одном из рассказов о великом сыщике относилась к нему самому.

Ответа Майкрофта я не удловила: всё моё внимание занял велосипед. Сначала я решила обмотать полосками бумаги

¹ Отсылка к фразе Ватсона из рассказа «Рейгетские сквайры».

раму, соединяющую руль и колёса, но вскоре выяснила, что ошиблась, и тихонько выругалась себе под нос.

— Право, дорогая сестра, — с лёгким укором произнёс мужской голос у меня за плечом, и я хотела было рассердиться, когда вдруг поняла, что слова эти, нежные и вовсе не осуждающие, принадлежали не Шерлоку, а Майкрофту. Сегодня Шерлок вёл себя более напыщенно. — Если учитывать нрав нашей матери, можно смело предположить, что для неё самая важная деталь велосипеда — та, что позволяет им управлять.

Я закатила глаза — он этого, конечно, не увидел, поскольку стоял у меня за спиной, — и стала накручивать бумажки на руль.

И тут же забыла о своём раздражении, когда буквы начали складываться в осмысленные слова. К сожалению, длины

руля хватило лишь на малую часть послания:

...Нельзя быть в первую очередь матерью, а уже потом личностью; ни семья, ни муж, ни дети не должны, как это часто случается, лишать женщину её самостоятельности и стремлений. Я решила, что, если не буду верна себе, материнство моё получится обманным...

Шерлок обошёл велосипед и прочёл строки с другой стороны:

Я не могу быть той, кем не являюсь, но, возможно, мне не следовало становиться матерью. И неудивительно, что твои братья до сих пор холосты...

— Помилуйте, что за письмо! — воскликнул Майкрофт. — И, похоже, мы прочли середину. Насколько я понимаю,

там ещё три полоски? Попробуем определить, какая из них первая?

— Разумеется, — согласился Шерлок. — Прошу, отправь слугу за карандашом и бумагой. Мы с Энолой будем читать, а ты — записывать.

Так моё праздничное чаепитие началось с расшифровки скиталы на тротуаре перед домом 221 по Бейкер-стрит. Избавлю любезного читателя от подробного описания наших мытарств и скажу лишь, что мне было приятно и даже радостно трудиться над разгадкой головоломки вместе с братьями. Впрочем, счастье моё было недолгим: его грубо оборвало начало маминого письма.

Милая моя Энола,

Если ты получила это послание, значит, меня уже нет в живых.

Глава двадцать первая

Я прочла это вслух, и мой голос предательски дрогнул. Мы затихли — хотя шум улицы, естественно, никуда не делся. Шерлок и Майкрофт не знали что сказать. Или ждали, пока заговорит «милая Энола».

— Ну конечно, — произнесла я наконец. — Угольные символы на конверте, границы, круг, глаза: цыганки хотели защититься, доставляя письмо.

— Предрассудки вселяют страх перед тенью смерти, — проворчал Майкрофт. — Всё сходится.

— Энола... — Шерлок с состраданием посмотрел на меня. — Мне жаль.

— Почему же? — Я состроила, надеюсь, смешную рожицу и с иронией добавила: — С днём рождения меня!

Шерлок отвёл глаза.

— Билли, — резко обратился он к слуге, — можешь вернуть остальные велосипеды их владельцам.

Мы продолжили разбирать мамино прощальное послание, и я опять же не буду описывать это долгое и нудное занятие и сразу приведу весь текст целиком, записанный с наших с Шерлоком слов Майкрофтом:

Милая моя Энола,

Если ты получила это послание, значит, меня уже нет в живых. Понимаю, это внезапные и жестокие слова, но мне не хочется подбирать эвфемизмы и говорить, что я «ушла в лучший мир». Знаю,

ты девушка образованная и свободомыслящая и тоже предпочитаешь факты образным выражениям. Одна из причин, по которой я столь страстно отстаивала права женщин, — это моё убеждение в том, что нам дана лишь одна жизнь, после которой нас уже ничего не ждёт, а значит, надо прожить её достойно.

Именно поэтому я оставила — да скажу прямо, поскольку признаю свою вину, — бросила тебя столь бессердечным образом. Я собиралась подождать ещё год или два, но начала чувствовать смертельную тяжесть внизу живота и осознала, что мне осталось недолго. Энола, ты всегда была мудра не по годам. Надеюсь, ты поймёшь, что нельзя быть в первую очередь матерью, а уже потом личностью; ни семья, ни муж, ни дети не должны, как это часто случается, лишать женщину её самодостаточности и стремлений. Я решила, что, если

не буду верна себе, материнство моё получится обманным. Я не могу быть той, кем не являюсь, но, возможно, мне не следовало становиться матерью. И не удивительно, что твои братья до сих пор холосты. Возможно, и ты откажешься заводить детей. Возможно, такое решение будет правильным.

Так или иначе, я с самого детства мечтала насладиться простой и свободной жизнью цыган и всегда восхищалась их красочными, удобными одеждами, непокорными лошадьми, заливистым смехом, небрежным отношением к нелепым правилам. Думаю, ты понимаешь, что их вороватость меня ничуть не отталкивает и я разделяю их бунтарский дух. Ведь ты знаешь, что и меня можно было бы обвинить в воровстве.

Я эгоистично преследовала свою мечту, но в слабое оправдание хочу сказать, что думала и о тебе и не хотела, чтобы

ты плакала над моим смертным ложем, надевала чёрные платья и проходила через принятые в обществе изматывающие и печальные ритуалы оплакивания и погребения. И сама надеялась избежать судьбы твоего бедного отца: похорон на церковном кладбище и могильной плиты. Я желала свободы. Свободы в жизни — в том, что от неё осталось, — и свободы в смерти.

Разве не иронично, что я, рационалистка, приняла решение провести последние свои дни среди тех, кто искренне верит в разнообразную чепуху, от чтения судьбы по ладони до загробной жизни? Однако, даже несмотря на их предрассудки, я всё равно очарована цыганами. Они относятся ко мне словно к боже-ству. Сейчас я лежу в шатре, поставленном специально для меня, поскольку я умираю. За мною заботливо ухаживают, хотя тем, кто касается умирающей,

приходится всякий раз проходить обряд очищения. Для меня готовят новую обувь и одежду, чтобы обеспечить всем необходимым для перехода, как они считают, в загробный мир. Когда меня опустят в землю, на мне будут блестеть амулеты и монетки, и мои кисточки, несомненно, похоронят вместе со мной. Если бы у меня был собственный караван, всех лошадей убили бы и положили в мою могилу вместе с караваном. К счастью, у меня его нет, поэтому цыгане лишь украсят могилу венками в форме лошадей и каравана, которые впоследствии унесёт ветер. А через день они оставят меня и поедут дальше по своему пути странников, со смехом и с песнями.

Не могу объяснить почему, но мне это кажется невыразимо прекрасным. Возможно, для тебя это не так. Я стараюсь посмотреть на случившееся твоими глазами и понимаю, что причинила тебе боль.

Скорее всего, ты гадаешь, каковы мои чувства к тебе. Я сама не раз задавалась вопросом, достаточно ли заботилась о тебе. К счастью, ответ на это — «да». Я любила тебя, насколько была способна, отдавала всю любовь, что была в моём сердце. Парадокс в том, что другая мать, несомненно, окружила бы тебя куда большей любовью — но с другой матерью ты уже не была бы собой.

Энола Евдория Хадасса Холмс, дочь, которой я по праву горжусь, я пишу тебе это письмо, поскольку ты заслуживаешь правды. Братьям твоим я ничего не должна. Однако всё равно радуюсь их достижениям и надеюсь, что однажды, если появится такая возможность, ты поделишься с ними содержанием этого письма.

Я намеренно не указываю даты, поскольку не желаю, чтобы вы отсчитывали дни с моей смерти.

Говорят, мы «продолжаем жить» в воспоминаниях наших близких. Я надеюсь почить и не «продолжать жить» ни в одном из смыслов, однако верю, что твои воспоминания обо мне будут светлы.

**Твоя мать,
Евдория Верне Холмс**

Отреагировали мы на это письмо все по-разному. Шерлок неожиданно решил лично вернуть велосипед законному владельцу и уехал прямо на нём, а Майкрофт, недовольный и весь красный, отвёл меня в гостиную, усадил и побежал вниз, требуя подать чаю. А я не могла бы называться человеком, если бы не всплакнула, особенно после того, как Реджинальд выбежал мне навстречу — счастливый, полный беззаветной любви, совсем не как... Я упала на диван, уткнулась носом в его мягкую пушистую шею

и заплакала. Если бы только мама была хоть каплю похожа на него!

Забавное сравнение вызвало у меня искренний смех. «Ну хватит, Энола», — мысленно отчитала я себя и приподнялась, чтобы высморкаться. Всё-таки я была многим обязана матери и, как она и надеялась, не думала о ней плохо. Благодаря тому что она оставалась собой, неукротимой суффражисткой Евдорией Холмс, мама подала мне пример и наделила храбростью, и я стала собой — Энолой.

Майкрофт, вернувшись наверх и увидев меня в слезах, принялся цокать языком и рыться в карманах, но я улыбнулась и сказала ему:

— Как ни странно, сегодня у меня есть при себе платок.

Я показала ему очаровательный квадратик ткани, вышитый фиалками, и он проворчал:

— Бесполезная вещица!

— Однако она хорошо мне послужила, — ответила я. Плакать больше не хотелось. Теперь я поражалась тому, что сижу в одной комнате с Майкрофтом и не испытываю страха — только приязнь, и то, что он чувствует себя не в своей тарелке, кажется мне забавным.

— Где же Шерлок и где проклятый чай?! — восклицал он.

Что бы мы делали без чая! Его наконец принесли, Майкрофт наполнил чашки, протянул мне тарелку с тортом — праздничным? — и вдруг, когда я взяла себе кусок, сказал:

— Энола, полагаю, в моих силах сделать твой день рождения чуть более радостным.

— Ты это уже сделал, — заверила его я.

— Дай мне договорить, — сердито ответил Майкрофт. — Во-первых, мне жаль...

— Не стоит! — воскликнула я.

— Прошу, не перебивай меня. Мне очень жаль, что я вообще узнал о существовании пансионатов для благородных девиц и тем более — что помышлял тебя туда отправить. В свете недавних событий я изменил своё мнение и больше не намерен настаивать на обучении в подобных местах. И мне жаль, что я тебя недооценивал. Я видел в тебе ребёнка, нуждающегося в защите, брошенную девушку, которую необходимо спасти от неё самой, оставшуюся под моей ответственностью. Твоё поведение, пусть оно порой и казалось мне возмутительным, показало, как сильно я ошибался. — Всё это время он смотрел на чашки и чайник, но тут вдруг перевёл взгляд прямо на меня. — Надеюсь, ты понимаешь, что я хотел как лучше.

— Конечно, понимаю. Ты пытался исполнить свой долг. — Я поняла, что сей-

час начнутся дипломатические переговоры. Майкрофт всё ещё считался моим законным опекуном, Шерлока не было рядом, чтобы меня спасти, — и всё же я ни капли не боялась за свою свободу.

Майкрофт кивнул:

— И до сих пор пытаюсь. Я обязан убедиться, что ты живёшь в безопасном месте...

— Я снимаю комнату в Женском клубе, — поспешно сказала я, отчего-то не видя больше смысла скрываться.

Он изумлённо, но одобрительно вскинул брови:

— Да, это самое безопасное место в Лондоне. Однако цена... Деньги, оставленные тебе нашей дорогой хитроумной матерью, вероятно, уже...

— Я вложила часть в покупку пансиона и получаю хороший доход с жильцов.

— Невероятно! — ахнул Майкрофт. В ту же минуту Реджинальд громко гав-

кнул и понёсся встречать Шерлока. — Шерлок, ты это слышал?! — Разумеется, Шерлок ничего не слышал. Майкрофт медленно, словно колесо мельницы, повернулся к нему. — Она снимает комнату в Женском клубе, владеет пансионом и живёт на доходы с аренды!

— А что тебя удивляет, Майкрофт? — спросил Шерлок, устало падая в кресло и наливая себе чаю. — Ведь ты ожидал подобной самостоятельности. Всё это время ты был совершенно прав!

— В смысле?

— Ты предполагал, что она занимается поиском пропавших людей. — Шерлок откинулся на спинку стула и вопросительно посмотрел на меня. — Энола, в твоём пансионе, случайно, не располагается контора доктора Рагостина, учёного искателя?

Моя улыбка погасла:

— Давно ты об этом узнал?

— Когда пришёл к герцогу дель Кампо осведомиться о самочувствии его супруги и он сказал, что её нашёл доктор Рагостин. — Похоже, чай удивительно взбодрил Шерлока: его глаза заблестели, и он произнёс гулким, громким голосом: — Начинаящая сыщица наступает мне на пятки, Майкрофт!

Майкрофт, не понимая, о чём мы, сердито воскликнул:

— Шерлок, прошу, всё по порядку!

Шерлок, пропустив его вопрос мимо ушей, обратился ко мне:

— Лиана Месхол работала помощницей доктора Рагостина?

Я вздохнула:

— Нет, всего лишь секретарём. Недавно я повысила себя до помощницы. Под другим именем.

Майкрофт наконец ухватил суть разговора и вытаращил глаза:

— Ты выдумала доктора Рагостина?!

— Ну да.

— Чтобы посвятить себя поиску пропавших людей?

Я не сразу смогла ответить: в горле встал ком. Братья внимательно смотрели на меня, искренне пытаюсь понять свою странную сестру, и я наконец осознала, почему больше их не боюсь.

Потому что я им не безразлична.

А они — мне.

Как... как приятно, как сладко это осознание — лучше любого праздничного торта!

И благодаря ему я могу говорить свободно:

— Да, пропавших людей и предметы. Сначала я надеялась найти маму, но всё откладывала...

Майкрофт кивнул:

— И правильно.

— Надо знать себя и понимать, сколько готов выдержать. Сколько готов взять на себя, — мягко произнёс Шерлок.

Какое-то время мы сидели в полной тишине, и, полагаю, все думали о маме, которую любили, насколько были способны.

Первым встал Майкрофт.

— Итак, Энола, что теперь? Как о тебе «заботиться», как бы выразилась твоя мать, и не дать погибнуть, оставаясь с тобой в добрых отношениях? Шерлок говорит, ты бы не отказалась от высшего образования?

— Да, — призналась я, — и ещё я бы хотела отдохнуть от грязного воздуха цвета дыма...

— Уехать из Лондона?

— На какое-то время. Возможно, провести несколько недель в Фернделл-холле. — Реджинальд прижался ко мне, и я отстранённо его погладила. — Кроме

того, нанести визит Сесилии Алистер, узнать, всё ли у неё хорошо и можем ли мы стать подругами. Как знать, может, она решит пойти вместе со мной в университет.

— Прекрасная мысль, — кивнул Майкрофт. Очевидно, он знал о моей привязанности к Сесилии. — А потом?

— Я дам знать. Мне нужно время подумать. Только, милые мои братья... — Я расправила плечи и посмотрела одновременно в обе пары пронизательных серых глаз. — Прошу, не питайте иллюзий, что однажды я стану обычной благородной дамой. Моя страсть, моё призвание — находить потерянное. Я — искательница.

— Прекрасно! — воскликнул Шерлок.

— Скандально, — проворчал Майкрофт, хотя по тону его было ясно, что он уже с этим смирился.

— Энола, — с чувством обратился ко мне Шерлок, — любимая моя сестра, прошу тебя: будь кем хочешь. Признаюсь, я сильно к тебе привязался и восхищён тем, насколько ты непредсказуема. Мне не терпится узнать, какое удивительное и невероятное будущее тебя ждёт.

Оглавление

Глава первая	21
Глава вторая	29
Глава третья	41
Глава четвёртая	54
Глава пятая	62
Глава шестая	72
Глава седьмая	84
Глава восьмая	93
Глава девятая	105
Глава десятая	114

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава одиннадцатая	124
Глава двенадцатая.....	133
Глава тринадцатая.....	144
Глава четырнадцатая	155
Глава пятнадцатая.....	170
Глава шестнадцатая	179
Глава семнадцатая.....	186
Глава восемнадцатая	196
Глава девятнадцатая.....	209
Глава двадцатая	222
Глава двадцать первая	235

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

Спрингер Нэнси

ЭНОЛА ХОЛМС И ЗЛОВЕЩИЕ ЗНАКИ

(орыс тілінде)

Руководитель направления Т. Суворова
Ответственный редактор И. Юкио
Художественный редактор В. Безкровный
Технический редактор О. Лёвкин
Компьютерная верстка Г. Балашова
Корректор Е. Сырцова

Страна происхождения: Российская Федерация
Шығарылған елі: Ресей Федерациясы

ООО «Издательство «Бизнес»
123008, Россия, город Москва, ул.д. Зорге, этаж 1, строение 1, кабинет 203.
Тел.: 8 (495) 411-09-05.

Home page: www.biznes.ru E-mail: info@biznes.ru

Фейсбук: «ЭКСМО» АУС Беларусь

123008, Ресей, қала Мәскеу, Зорге көшесі, 1 үй, 1 кемеңгі, 20 кабинет, кабинет 203 к.

Тел.: 8 (495) 411-09-05.

Home page: www.biznes.ru E-mail: info@biznes.ru

Twitter: [biznes](https://twitter.com/biznes) «Бизнес»

Интернет-магазин: www.book24.ru

Интернет-магазин: www.book24.kz

Интернет-магазин: www.book24.kz

Надпечатано в Республике Казахстан ТОО «РЭД-Алматы».

Казахстан Республикасының мемлекеттік «РЭД-Алматы» ЖШС.

Дистрибутор и производитель по праву патентов на продукцию

в Республике Казахстан ТОО «РЭД-Алматы»

Казахстан Республикасының дистрибутор және өзі бойынша өнім-материалдар

арбитражының өзі «РЭД-Алматы» ЖШС.

Алматы қ. Дистрибутор өзі. 3-к, кемеңгі 8, кабинет 1.

Тел.: 8 (777) 281-08-00/01/02; E-mail: ROC-Almaty@redal.kz

Фейсбук: [redal.kz](https://www.facebook.com/redal.kz) интернет-магазин.

Сертификация туралы ақпарат: www.redal.kz/certification

Свидетельство о подлинности соответствия издания стандарту издательства РФ

о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Бизнес»

www.biznes.ru/certification

Өндiргiн мемлекет: Ресей. Сертификация қарастырылған

Дата изготовления / Подписано в печать 24.12.2021. Формат 84x108¹/₃₂.

Гарнитура «Minion Pro». Печать офсетная. Бумага офсетная пухлая.

Усл. печ. л. 13,44. Доп. тираж 2500 экз. Заказ 6738.

Отпечатано с электронных носителей издательства.

ОАО «Тверской полиграфический комбинат». 170024, Россия, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822) 44-42-15

Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

book 24.ru

Официальный
интернет-магазин
издательской группы
«ЭКСМО-АСТ»

Москва, ООО «Торговый Дом «Зенит»
Адрес: 123308, г. Москва, ул. Зорге, д.1, строение 1
Телефон: +7 (495) 411-50-74. E-mail: reception@zenit-sale.ru
По вопросам приобретения юнг «Зенит» зарубежными клиентами
полученными обратится в отдел зарубежных продаж ТД «Зенит»
E-mail: international@zenit-sale.ru

**International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Bimono» for their orders.
international@bimono-sale.ru**

По вопросам заказа юнг зарубежными клиентами, в том числе в специальном
оформлении, обратиться по тел.: +7 (495) 411-68-50, доб. 2261.
E-mail: business.yu@bimono.ru

Отдел продаж бумажно-беловых
и канцелярских товаров для школы и офиса «Канц-Зенит»
Компание «Канц-Зенит»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Беловолинское ш., д. 1, лит.5. Тел./факс: +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
E-mail: kanco@zenit-sale.ru, сайт: www.kanco-zenit.ru

Филиал «Торгового Дома «Визон» в Ногинском Новгороде
Адрес: 603064, с. Ногинский Новгород, улица Карпинского, д. 28, бизнес-парк «Грин Плейс»
Телефон: +7 (831) 216-18-01 (82, 60, 84). E-mail: reception@bizonn.ru

Филиал ООО «Надательство «Визон» в г. Санкт-Петербург
Адрес: 192028, г. Санкт-Петербург, пр. Обуховской обороны, д. 84, лит. «Б»
Телефон: +7 (812) 385-46-03 / 04. E-mail: kanco@zato.ru

Филиал ООО «Надательство «Визон» в г. Екатеринбург
Адрес: 620034, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 20а
Телефон: +7 (343) 272-72-01 (02/03/04/05/06/08)

Филиал ООО «Надательство «Визон» в г. Самара
Адрес: 443052, г. Самара, пр-т Кирова, д. 73/1, лит. «Б»
Телефон: +7 (846) 207-66-50. E-mail: RDC-samara@mail.ru

Филиал ООО «Надательство «Визон» в г. Ростов-на-Дону
Адрес: 344023, г. Ростов-на-Дону, ул. Страны Советов, 44А
Телефон: +7 (863) 303-62-10. E-mail: info@td-ekanto.ru

Филиал ООО «Надательство «Визон» в г. Новосибирск
Адрес: 630018, г. Новосибирск, Куйбышевский пер., д. 3
Телефон: +7 (383) 299-91-42. E-mail: ekanto-nn@yandex.ru

Общероссийское предприятие в г. Хабаровск
Фактический адрес: 680000, г. Хабаровск, ул. Фрунзе, 22, оф. 703
Почтовый адрес: 680020, г. Хабаровск, А/Я 1008
Телефон: (4212) 810-120, 810-211. E-mail: ekanto-hv@mail.ru

Филиал ООО «Надательство «Визон» в г. Томск
Центр опто-розничной продажи Steel&Sentry в г. Томск
Адрес: 625022, г. Томск, ул. Гиримская, 1а, 2 этаж. ТЦ «Перестрой-ка»
Ежедневно с 9.00 до 20.00. Телефон: 8 (3462) 21-53-95

Республика Беларусь ООО «ЭКОМО АСТ Он лнд Сп»
Центр опто-розничной продажи Steel&Sentry в г. Минск
Адрес: 220014, Республика Беларусь, г. Минск, проспект Хрущева, 44, пом. 1-17, ТЦ «Оутлет»
Телефон: +375 17 281-40-23; +375 44 581-81-82
Режим работы: с 10.00 до 22.00. E-mail: astomast@yandex.by

Компания «РДЦ Алматы»
Адрес: 080008, г. Алматы, ул. Дамбровский, 3А
Телефон: +7 (727) 281-56-12, 251-56-90 (81,82,98). E-mail: RDC-Almaty@ekanto.kz

Удмуртия ООО «Форс Урине»
Адрес: 04073, г. Ижевск, ул. Вербова, 17а
Телефон: +38 (044) 290-96-44, (067) 538-53-22. E-mail: asteco@urains.com

Полный ассортимент продукции ООО «Надательство «Визон» можно приобрести в онлайн-магазине «Чайки-парк» и заказать в интернет-магазине: www.steel-sentry.ru.
Телефон горячей справочной службы: 8 (800) 444-4-444. Заказ по России бесплатен.

Интернет-магазин ООО «Надательство «Зенит»
www.bimono.ru

Розничная продажа юнг с доставкой по всему миру.
Тел.: +7 (495) 745-66-14. E-mail: business@bimono-sale.ru

ISBN 978-5-04-100339-5

9 785041 003395 >

